



ТИХАЯ СТОРОНА УБИЙСТВА

АНИ ЕГАНЯН



Ани Еганян

Тихая сторона убийства

<https://litres.ru/74629814>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом английском городке Рейвенсвик обнаруживают тело мужчины. Его странное положение и оставленная рядом старая фотография заставляют детектива Элис Беннетт усомниться в очевидной версии произошедшего.

Расследование приводит её к загадочному исчезновению девушки восемнадцать лет назад и к супружеской паре, чья безупречная жизнь скрывает опасные тайны.

Марианна Хейл — уважаемый психолог, умеющий понимать чужие страхи и управлять доверием. Её муж Адриан годами пытается разобраться в воспоминаниях, которые не дают ему покоя.

Но что, если самая страшная ложь — та, в которую человека заставили поверить о самом себе?

Чем ближе Элис подбирается к правде, тем сложнее становится отличить виновного от жертвы, любовь от зависимости, а раскаяние от тщательно продуманной игры.

«Тихая сторона убийства» — психологический триллер о власти над чужой памятью, разрушительном чувстве вины и преступлениях, которые начинаются задолго до первой смерти.

Ани Еганян

Тихая сторона убийства

Ани Еганян

ТИХАЯ СТОРОНА

УБИЙСТВА

ПРОЛОГ

Женщина у двери

Рейвенсвик. Ноябрь 2008 года

Когда в доме погас свет, Марианна подумала не о грозе и не о перегоревших предохранителях. Она подумала, что кто-то успел добраться до щитка раньше неё.

Она стояла посреди кухни, держа в руке бокал с нетронутым вином. В стеклянной двери, выходящей в сад, отражались её лицо и четыре бледных прямоугольника окон. За ними ветер пригибал к земле мокрые ветви жасмина.

Со второго этажа донёсся стук.

— Адриан?

Никто не ответил.

Марианна поставила бокал в раковину, а потом передумала и вернула его на стол. Включать фонарик она не стала. После десяти месяцев совместной жизни она научилась

передвигаться по этому дому на ощупь: восемь ступеней до площадки, поворот, ещё семь, широкая доска перед дверью спальни скрипит под левой ногой.

На четвёртой ступени она услышала, как наверху повернулся ключ.

— Адриан, я знаю, что ты дома.

— Не поднимайся.

Голос был его, но таким она его ещё не слышала. Казалось, он говорил сквозь несколько слоёв плотной ткани.

Марианна остановилась.

— Что случилось?

— Я не могу... — Он замолчал, словно подбирал слово, которого не существовало. — Я не понимаю, что случилось.

Снаружи вспыхнула молния. Света хватило, чтобы увидеть тёмную полосу на лестничных перилах. Марианна провела по ней пальцем. Краска? Грязь? При следующем раскате грома она уже знала, что это не краска, и вытерла руку о подол халата.

Наверху щёлкнул выключатель. Электричество вернулось.

Адриан сидел на краю кровати. На нём была белая рубашка с расстёгнутым воротником, одна штанина промокла до колена. Он смотрел на свои руки, как ребёнок, который разбил чужую вещь и ещё не придумал, как признаться.

— Сильвия, — сказал он.

Марианна медленно села рядом.

— Что с ней?

— Я был там.

— Где?

— У старого моста. Мы спорили. Я помню её лицо. И то, что потом... — Он прижал ладонь к виску. — Есть место, которое я не могу вспомнить.

Ветер ударил в стекло. На прикроватной тумбе стояла фотография с их свадьбы: Адриан улыбался в камеру, а Марианна смотрела на него.

— Посмотри на меня, — сказала она.

Он поднял голову. Глаза были мокрыми.

— Я не хотел причинить ей вред.

Марианна коснулась его щеки. На её пальце остался холодный дождь, пахнувший мокрой тканью.

— Ты уверен, что причинил?

Он не ответил.

И тогда она обняла его — бережно, будто он мог рассыпаться у неё в руках.

В последующие годы Адриан будет вспоминать именно это объятие. Не мокрую лестницу, не темноту, не собственную дрожь, а то, как жена прижала его к себе и сказала, что они справятся.

Из той ночи он вынес одну совершенно неверную уверенность: Марианна узнала правду одновременно с ним.

На самом деле она ждала его возвращения с половины девятого.

И только сама Марианна знала, почему на дне кухонной раковины лежала маленькая серебряная застёжка, которой ещё утром не было в доме.

ГЛАВА 1

Человек на фотографии

Рейвенсвик. Октябрь 2026 года

Первым тело заметил сторож, который пришёл проверить, не украли ли со стройки кабель.

Ровно в шесть пятьдесят две он позвонил своему начальнику. В шесть пятьдесят восемь — жене. Полиции он набрал только в семь четырнадцать, когда жена настояла, чтобы он перестал доказывать себе, будто всё увиденное можно объяснить несчастным случаем.

Элис Беннетт узнала об этом ещё до того, как вышла из машины.

— Он почти двадцать минут стоял возле мёртвого человека и советовался по телефону, — сообщил сержант Оливер Прайс, прижимая к плечу планшет с папкой. — Говорит, побоялся сделать хуже.

— Чему?

— Репутации объекта. Сейчас он там, в сторожке. Извиняется перед всеми подряд.

Ветер пах солёной водой и мокрой железной пылью. Заброшенная красильная фабрика стояла на северной окраине города с тех времён, когда Рейвенсвик ещё умел зарабатывать на собственных причалах. Теперь в её оконных проёмах

росли берёзы, а через обвалившуюся кирпичную трубу по утрам летали чайки.

По другую сторону ограждения толпились трое рабочих. Один курил, закрывая сигарету ладонью. Двое молчали.

— Кто у нас? — спросила Элис.

— По документам Мартин Холлоуэй. Пятьдесят один год. Сотрудник городской комиссии по собственности. Телефон, бумажник и ключи при нём. Машина в трёх кварталах. Пока не нашли никого, кто видел, как он входил.

— Он работал здесь?

— Комиссия занималась продажей участка. Возможно, приходил по службе.

Оливер посмотрел на Элис и, не дожидаясь следующего вопроса, добавил:

— Да, я уже запросил документы по сделке.

Она едва заметно кивнула. За пять лет совместной работы он научился отвечать на вопросы, которые она ещё не задала. Иногда это раздражало, чаще экономило время.

...

Вечером Элис вернулась на фабрику, когда криминалисты уже сложили часть оборудования в ящики. Ей хотелось увидеть место без белых комбинезонов и вспышек камер. В таком освещении огромный цех выглядел не страшным, а беззащитным: мокрая кирпичная кладка, ржавые трубы, старые таблички с инструкциями, которые никто не выполнял уже много лет. Кто-то когда-то старательно прикрепил к воро-

там объявление о запрете посторонним. Бумага потемнела, и теперь запрет можно было прочесть лишь по последней строчке.

— Вы собираетесь закрывать дело о проникновении? — спросил охранник, появившийся в проёме.

— Мы расследуем смерть человека. Это разные вещи.

Охранника звали Питер Фелпс. Он работал на территории всего три месяца и не успел привыкнуть к тому, что прежний завод превратился в склад чужого мусора. За последние недели он дважды замечал свет в окнах цеха, хотя электро-снабжение давно отключили. Тогда он решил, что светили фонариками подростки. На вопрос, почему не вызвал полицию, Питер ответил почти обиженно:

— Каждый раз, когда здесь кто-нибудь ходит, я звоню. Потом приезжают, никого не находят, а начальник говорит, что я трачу время. Может, тот человек пришёл сюда сам.

— Возможно. Расскажите, как он мог попасть внутрь.

Питер провёл Элис вдоль стены к незаметной калитке. Замок висел на петле, но защёлка изнутри удерживалась изогнутым гвоздём. Открыть такую дверь мог любой, кто знал о гвозде; случайный прохожий в темноте едва ли обнаружил бы его.

— Кто его поставил?

— Я не знаю. Так было до меня.

— А кто показал вам эту калитку?

Питер задумался. Ему показал прежний смотритель —

пожилой мужчина, который теперь жил у дочери в соседнем графстве. О деталях он рассказал по телефону, пока Элис записывала номер. Впервые за день появился человек, способный подтвердить или опровергнуть старые сведения о фабрике. Не убийца, не страшная догадка — просто свидетель.

Они прошли к месту, где стояло тело. Элис посмотрела на окно в противоположной стене. Снаружи в него упирались ветви платана. Если кто-то заранее изучал помещение, ему было достаточно войти днём, расставить предметы и покинуть территорию через калитку. А затем вернуться с жертвой.

— Он, наверное, сильно боялся, — сказал Питер.

— Кто?

— Тот, кто умер. Здесь темно и холодно. Я бы не пошёл сюда ночью даже за деньги.

Элис не ответила. Она вспомнила фотографию, найденную возле тела, и маленькую полоску бумаги, которую техник поднял из-под подошвы погибшего. На полоске сохранился обрывок печатной строки: «...не рассказывай ей...» Пока эксперты не установили происхождение бумаги, она ничего не доказывала. Но уже тогда Элис настораживало, насколько старательно кто-то предложил полиции готовую историю. Она видела дела, где преступник убирал всё лишнее. Здесь лишнего было слишком много.

...

Внутри фабрики было холоднее. С потолка свисали цепи,

под ногами хрустело стекло. В дальней части цеха сохранились три огромных чана, когда-то заполненных красителем. В одном из них застряла чья-то куртка — выцветшая красная ткань шевелилась от сквозняка, словно живое существо.

Мартин Холлоуэй сидел у стены на деревянном стуле.

Точнее, кто-то усадил его так, чтобы он выглядел сидящим. Его плечи были слишком прямыми, руки лежали на коленях неестественно аккуратно. Голова клонилась в сторону.

Напротив, на перевёрнутом ящике, стояла фотография.

Элис задержалась перед жёлтой лентой, пропустила эксперта с контейнером и только потом приблизилась.

На снимке была девочка лет четырнадцати. Чёрные волосы выбивались из косы, на школьном пиджаке болтался значок в форме чайки. Девочка держала в руках маленький деревянный кораблик, вырезанный, судя по всему, на уроке труда. За её спиной виднелась кирпичная стена.

Ни подписи, ни даты.

— Его дочь? — спросила Элис.

— Нет, — ответил Оливер. — У Холлоуэя один сын, ему двадцать шесть. Жену мы ещё не опросили.

— Фото свежее?

— Бумага старая. Эксперты посмотрят.

Элис повернулась к женщине в защитном костюме, которая изучала лицо погибшего.

— Ханна?

Доктор Ханна Керр, судебный патологоанатом, подняла глаза.

— Если ты собираешься спросить, сколько часов он здесь, ответ тебе не понравится. Пока слишком холодно и слишком много неизвестных. Определённо смерть наступила до приезда сторожа. Остальное — после вскрытия.

— Причина?

— Пока не назову. Есть повреждения, которые нужно изучить. Не позволяй сцене рассказывать за тело.

У Ханны была привычка разговаривать так, словно любая поспешная версия являлась личным оскорблением медицинской науки. Элис ценила это качество.

...

В участке Элис ждала судебного патологоанатома Ханну Керр. Они знали друг друга со времён дела о смерти пожилого рыбака, когда маленькая ошибочная пометка о времени обнаружения тела почти привела следствие к ложному обвинению. С тех пор Ханна привыкла говорить не «я думаю», а «на данный момент данные позволяют». Коллеги считали её упрямой. Элис доверяла именно этому упрямству.

— Я не назову причину смерти до вскрытия, — сказала Ханна, едва вошла.

— Мне нужны не догадки о причине. Что можно установить сейчас?

— Повреждения, положение тела, следы возможного перемещения. Часть наблюдений осложнена тем, что первые

прибывшие успели пройти по полу.

— Нам известно.

Ханна положила на стол фотографии, но Элис остановила её, когда та потянулась увеличить снимок лица погибшего. В соседнем кабинете ожидала семья, и детектив не хотела, чтобы изображение оказалось видно из коридора. Она закрыла дверь, опустила жалюзи и лишь тогда вернулась к столу.

На снимке возле ног Мартина Холлоуэя лежала стружка светлого дерева. Элис поинтересовалась, относится ли она к старому помещению. Ханна сообщила, что образец изъяли и сравнение ещё впереди. Было бы слишком просто объявить стружку следом обуви плотника: фабрика пережила десятки ремонтов, а на территории постоянно складировали строительные материалы.

— А фотография? — спросила Элис.

— Сама по себе ничего не говорит о причине смерти.

— Но может говорить о том, кто хотел, чтобы мы её увидели.

После ухода Ханны Элис поехала к сторожу ещё раз. Тот встретил её с чашкой растворимого кофе и признался, что после обнаружения тела сначала позвонил начальнику. Он боялся увольнения за то, что ворота снова оказались незаперты. Несколько минут, которые казались подозрительной задержкой, получили простое объяснение. Однако Питер вспомнил деталь, которую не упомянул в первый раз: накануне вечером возле фабрики стоял серый автомобиль, и во-

дитель спрашивал, сколько времени обычно занимает обход территории.

— Вы сможете его описать?

— Не вполне. Был дождь, капюшон. Мужчина выглядел как обычный рабочий.

— Что значит обычный?

Сторож задумался. Он понял, что слово ничего не сообщает: человек не был в спецодежде, не представился и не показал документов. Питер описал только то, в чём был уверен: рост приблизительно выше среднего, серое пальто, спокойный голос, машина с рейлингами на крыше. Элис записала и это, и степень неуверенности.

На обратном пути она остановилась у маленького кафе напротив бывшей проходной. Хозяйка сказала, что несколько раз видела похожую машину. Но таких в городе сотни. Зато за несколько дней до убийства кто-то покупал здесь два кофе и просил оставить стаканчики у заднего выхода. Женщина помнила просьбу, потому что посетитель заплатил наличными и забыл забрать сдачу.

— У вас есть камеры?

— Только одна над кассой. Хранит записи около недели.

Элис попросила сохранить копию и оформить передачу сотрудникам. Пока она не знала, имеет ли этот посетитель отношение к смерти Холлоуэя. Но чем больше собиралось обычных, скучных деталей, тем меньше её устраивало красивое объяснение о мстителе, который оставляет фотографии

как подпись. За страшной картиной всегда стояли вещи куда прозаичнее: автомобиль, кофе, ключ, чужое знание расписания охраны.

...

Она присела возле ящика. Край фотографии был надорван, причём давно; внизу сохранилась половина рукописной цифры. Возможно, часть даты. Возможно, инвентарный номер.

— Снимок поставили ровно напротив него, — заметила Элис.

— Может, послание, — сказал Оливер.

— Кому?

— Нам.

— Или ему.

В нескольких шагах от тела на полу белела полоска свежей штукатурки. Накануне рабочие укрепляли стену, после чего, по словам прораба, закрыли ворота. В штукатурной пыли виднелись чужие следы, но значительную часть уже затоптали прибывшие раньше полицейские и медики. Элис сдержала недовольство: сейчас оно никому не поможет.

— Откуда он вошёл? — спросила она.

Оливер указал на служебную дверь у западного торца.

— Сторож нашёл её приоткрытой. Замок не взломан.

— Посмотрим камеры у автомойки и на заправке. И мне нужен полный список людей, которые знали о продаже участка.

— Уже занимаются.

Снаружи затарахтел генератор. В полумраке вспыхнули дополнительные лампы, и фотография девочки неожиданно стала самым ярким предметом в помещении.

...

В восемь сорок три Элис вернулась в недостроенное помещение вместе с фотографом. При дневном свете оно выглядело ещё беднее: мешки со штукатуркой, батарея без решётки, три стула, сложенные один на другой. Возле окна обнаружили тонкую полоску чистого пола. Пыль вокруг неё лежала ровным слоем, будто недавно отсюда подняли тяжёлую вещь. Элис попросила сфотографировать границы следа и велела не называть его следом гроба или ящика, пока специалисты не установят размеры.

— Почему вы так боитесь слов? — спросил Оливер.

— Потому что слова быстрее нас, — ответила она. — Скажем «ритуал», и все станут искать алтарь. Скажем «мечь», и перестанем искать деньги.

Сторож, мистер Пул, сидел в фургоне с бумажным стаканом и терпеливо повторял свою историю. Накануне на объекте он не был: во вторник к вечеру поднялась температура у внука. Зато ночью, около половины второго, соседка услышала звук, похожий на передвигаемый металлический контейнер. Соседку звали Маргарет Шоу; ей было семьдесят девять, окна выходили на переулок, а слуховой аппарат она снимала на ночь. Элис велела опросить её без подсказок о

времени и звуке. Через час Маргарет сказала, что сначала проснулась от хлопка ворот, посмотрела на светящиеся часы и увидела 01:26. Звук она описала иначе: как будто кто-то катил по плитке чемодан с одним сломанным колёсиком.

— Значит, контейнер? — обрадовался молодой констебль.

— Значит, чемодан на колёсах, — поправила Элис. — Пока больше ничего.

На первом снимке места происшествия возле тела лежал крошечный бумажный уголок. Сотрудник лаборатории поместил его в отдельный пакет. На бумаге различались только две буквы и половина синей печати. К вечеру установили, что этот фрагмент не принадлежал фотографии. Он был оторван от документа, напечатанного на плотной офисной бумаге.

В коридоре Элис встретила сестру Мартина Холлоуэя. Женщина настояла, что хочет увидеть место, где погиб брат, но следователь объяснила, почему сейчас это невозможно. Вместо экскурсии они вышли на улицу и остановились под козырьком. Сестра говорила о Мартине без защиты и без ненависти: он любил племянников, умел чинить велосипеды, но при жизни оставил за собой немало обиженных людей. «Надеюсь, вы не забудете, что он был человеком», — сказала она. Элис обещала лишь одно: расследовать его смерть независимо от того, кем он был.

В тот же день на столе появилась копия старого поста-

новления о закрытии дела в отношении Холлоуэя. Элис внимательно прочла последнюю страницу. В ней не говорилось, что человек невиновен; говорилось, что для предъявления обвинения оказалось недостаточно доказательств. Между этими двумя формулировками лежало пространство, в котором кто-то теперь счёл себя вправе вынести приговор.

...

Элис вновь взглянула на снимок.

На школьном пиджаке девочки был маленький тёмный след — не пятно на бумаге, а пятно в самой фотографии. Возле кармана, рядом со значком. Девочка держала кораблик, но смотрела не на фотографа. Её взгляд уходил влево, будто там стоял кто-то, кто должен был забрать игрушку.

— Можно увеличить? — спросила Элис.

— Лаборатория займётся.

Она выпрямилась. Зазвонил телефон Оливера.

— Да? — ответил он, отворачиваясь. — Понял. Передам.

Несколько секунд он слушал, затем медленно опустил руку.

— Что?

— С утра городская администрация получила сообщение о смерти Холлоуэя.

— От полиции?

— Нет. На общий адрес комиссии. Письмо пришло в шесть сорок одну.

Элис посмотрела на часы. В шесть сорок одну сторож ещё

даже не вошёл в цех.

— Что в письме?

Оливер достал планшет. Прочитал вслух:

— «Мартин Холлоуэй больше не сможет вас подвести.

Прошу начать процедуру замены».

— Подпись?

— Нет.

Элис взяла планшет и перечитала фразу. Никаких угроз, никаких объяснений. Вежливое, почти деловое уведомление о человеке, который, по всей видимости, ещё вчера собирался на работу.

...

Позднее Элис будет вспоминать в деле Холлоуэя не тело и не фотографию, а мокрый след от ботинка возле порога фабрики. След оказался чужим — его оставил пожарный инспектор, прибывший для проверки аварийной стены за два часа до полиции. Ошибка была быстро установлена, записана в протокол и перестала быть тайной. Но именно она научила Элис не любить поспешные совпадения: когда ищешь убийцу, даже самая обычная грязь кажется подписью.

На месте происшествия она задержалась дольше остальных. Стена обрушивалась давно. Кирпичи местами растрескались, в углах росла полынь, а из пролома в крыше было видно бледное октябрьское небо. Если бы здесь не нашли мёртвого человека, рабочие через неделю разобрали бы цех и не заметили ничего необычного.

Оливер вышел к ней с телефоном.

— Дочь погибшего готова приехать на опознание. Я сказал, что сначала организуем всё должным образом.

— Как она отреагировала?

— Спросила, можно ли будет забрать его очки.

Элис кивнула. За годы службы она поняла, что люди редко задают тот вопрос, которого ждёт полиция. Их интересует забытый зонтик, телефонный пароль, кому позвонить насчёт собаки. Горе начинается с вещей, которые остались без хозяина.

Она внимательно осмотрела фотографию, помещённую рядом с телом. Девочка на ней стояла у дерева, держа в руках деревянный кораблик. На снимке были признаки старой печати: чуть потёртый уголок, тонкая белая полоска у края. Но бумага, на которой его принесли сюда, выглядела новой. Кто-то отыскал изображение в архиве и распечатал для сегодняшней сцены.

— Мы будем устанавливать происхождение бумаги отдельно, — сказала она.

— Думаешь, он сам принёс фотографию? — спросил Оливер.

— Я думаю, что кто-то очень хотел, чтобы мы её увидели.

Возле ворот фабрики собирались люди. Журналист местной газеты уже рассказывал в камеру об убийце, карающем виновных, хотя полиция ещё не установила ни окончательную причину смерти, ни связь жертвы с девочкой на снимке.

Элис попросила коллег отвести съёмочную группу подальше. Человека ещё не похоронили, а для публики он уже превратился в персонажа чужой легенды.

В машине она открыла блокнот и записала фамилии всех, кто вошёл на территорию после обнаружения тела. Последней строкой добавила: «Не позволять фотографии рассказывать больше, чем она показывает». Позднее ей не раз придётся возвращаться к этой записи. Ведь Марианна Хейл обладала редким талантом заставлять людей видеть на обычных снимках то, чего там никогда не было.

...

Она вспомнила сидевшего у стены мужчину и слишком аккуратные руки у него на коленях.

— Ищи, кто написал это, — сказала она. — Но не называй автора убийцей, пока не узнаем, что произошло.

— Думаешь, подстроено под убийство?

— Думаю, кто-то очень хотел, чтобы мы не сомневались.

Возле выхода в цех Элис остановилась и ещё раз взглянула на фотографию.

Губы девочки были плотно сжаты. Взгляд оставался направленным в сторону.

Мартин Холлоуэй, вероятно, в последний раз смотрел именно на неё.

В тот момент Элис ещё не знала, что другие фотографии уже ждут своего часа.

И что одна из них была сделана в её собственном доме.

ГЛАВА 2

Дом с жасмином

Адриан Хейл купил хлеб на углу, хотя в холодильнике лежало ещё полбуханки.

Марианна любила, когда воскресный хлеб оказывался свежим даже во вторник. Она редко просила о подобных мелочах, и Адриан считал это одной из своих лучших привычек: замечать то, что приносило ей удовольствие, прежде чем она успевала об этом сказать.

Он вернулся в восемь десять. Газетчик ещё разгружал пачки у киоска, школьники в тёмных куртках толкались на остановке. День выглядел слишком обычным, чтобы в нём можно было что-нибудь заподозрить.

Марианна сидела у окна кухни, поджав одну ногу. На столе рядом с чашкой стояла тонкая керамическая вазочка с белой веткой жасмина. Она всегда срезала цветы по одной ветке: говорила, что в больших букетах запах теряет направление.

— Ты замёрз, — сказала она, не поднимая глаз от книги.

— Не успел. На улице всего пять минут.

— Тогда почему дрожат пальцы?

Адриан положил пакет на стол. Не глядя на руку, он понял, какую именно она заметила. На указательном пальце возле ногтя была тонкая трещина, заклеенная прозрачным пластырем.

— Поранил на работе.

— Знаю. Ты писал.

Он чуть улыбнулся.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Марианна закрыла книгу и посмотрела на него тем внимательным взглядом, из-за которого люди на приёме рассказывали ей больше, чем собирались.

— Я не спросила, где ты поранился. Я спросила, почему дрожат пальцы.

Адриан взял нож, разрезал хлеб. Первый ломоть получил-ся неровным. Он положил его на свою тарелку, а самый красивый — ей.

— Почти не спал.

— Кошмары?

...

Двадцать три года назад Адриан впервые увидел будущую жену в маленьком книжном магазине рядом с вокзалом. Он пришёл за альбомом по реставрации витражей, а она стояла у полки психологической литературы и спорила с продавцом о книге, которую тот назвал «неподходящей для подарка». Разговор закончился тем, что Марианна купила два экземпляра и один неожиданно протянула Адриану.

— Вы же всё слышали. Кто-то должен решить, права ли я.

Он хотел вернуть книгу. Марианна рассмеялась, и тогда он согласился, хотя позже не смог вспомнить, как вообще оказался участником спора.

Они встречались нечасто. Марианна училась, подрабаты-

вала и увлечённо рассказывала о людях, которые убеждены в том, чего не происходило. Адриан не любил такие разговоры. Ему казалось несправедливым, что даже самая ясная память человека может оказаться ненадёжной. Он привык доверять дереву: если древесина треснула, значит, на неё действовала сила; если краска потускнела, значит, прошли годы. У вещей была история, которую можно восстановить, а не придумать.

Однажды в начале их знакомства они застряли под навесом автобусной остановки. Марианна спросила, чего он боится больше всего. Он ответил, что боится однажды причинить кому-то боль, не имея возможности это исправить. Она не стала смеяться и не сказала, что все люди ошибаются. Просто взяла его за руку. Адриан запомнил эту минуту как доказательство, что она умеет понимать его лучше остальных.

Сейчас, спустя два десятилетия, он стоял перед кухонной раковиной и пытался восстановить, когда же начал заранее рассказывать ей не события, а их допустимые объяснения. Если он сердился, то говорил: «Наверное, я был слишком резок». Если уставал, признавался: «Наверное, я тебя подвёл». Он сам выбирал эти слова. Но почему-то всегда одни и те же.

— Ты опять отвлёкся, — сказала Марианна.

Она уже сидела за столом. Адриан принёс хлеб, поставил рядом нож и заметил, что жена смотрит на его правую руку.

— Порезался на объекте, — объяснил он.

— Я не спрашивала.

— Ты посмотрела.

Она медленно улыбнулась.

— Значит, ты научился замечать даже то, что я не говорю.

Адриан попробовал ответить шуткой. Не получилось. На безымянном пальце под кольцом оставалось пятно старого клея, которое он забыл смыть. Он вдруг подумал, что мог бы пойти в полицию, рассказать всё, что помнит о последних днях, и получить какую-нибудь определённость. Мысль была настолько простой, что показалась ему почти детской. Затем Марианна спросила, не собирается ли он отнести в мастерскую старые бумаги, и простая мысль исчезла.

...

— Был один. Уже не помню.

— Может, так даже лучше.

Она отложила книгу. На обложке золотыми буквами было написано «Память и свидетельство». Внизу лежала карточка конференции, на которую Марианну приглашали в качестве главного докладчика.

— Сегодня у меня поздний приём, — сказала она. — Вернусь после восьми.

— Кого принимаешь?

— Тех, кто назначен на сегодня.

— Конечно.

Она улыбнулась, коснулась его руки. Всякий другой человек мог принять этот жест за извинение.

— А у тебя объект возле гавани?

— Старый дом священника. Мы закончили крышу и перешли к лестнице.

— Осторожнее с ней. Ты всегда торопишься на лестницах.

Адриан хотел пошутить, но остановился. В газетах и на телевизионных экранах с утра показывали фабрику на севере города. Он видел первые кадры на телефоне по дороге из пекарни: ворота, полицейские автомобили, мужчину в светоотражающем жилете, закрывшего лицо рукой.

...

В мастерской Адриан держал железную коробку из-под печенья, которую Марианна терпеть не могла. Она говорила, что такие вещи превращают дом в склад ненужного прошлого. В коробке лежали латунный ключ от первой квартиры, смятый билет на поезд, две открытки из Йорка и чек за букет цветов. Адриан сам не понимал, почему сохранял их. Когда работа над старым домом не удавалась, он открывал коробку и убеждался, что существуют вещи, которые он когда-то сделал правильно.

В день восемнадцатой годовщины свадьбы он купил два билета на камерный концерт. Марианна долго смотрела на них и наконец сказала, что в тот вечер у неё приём сложной пациентки.

— Перенеси, если можно, — предложил он.

— Я не могу просить человека перенести отчаяние на другую дату.

Он почувствовал себя мелочным, хотя жена не назвала его таким. Тогда Адриан предложил поехать одному. Марианна улыбнулась, и улыбка оказалась печальнее упрёка.

— Конечно. Ты всегда предпочитал уходить, когда кто-нибудь нуждается в тебе.

Слова были несправедливы, но он уже собирался извиниться. В эту минуту зазвонил её телефон. Она отошла к окну, ответила коротко, не назвав собеседника, а после разговора неожиданно обняла мужа. Адриан испытал облегчение столь сильное, что забыл о билетах. Позже он заметил, что помнит не саму ссору, а приятное мгновение, когда она кончилась.

Вечером к ним зашла соседка Джоан с домашним пирогом. Пока Марианна нарезала его, Джоан спросила, не собираются ли супруги на выходные к морю. Адриан признался, что пока не решили. Жена ответила прежде него:

— Адриан не любит море.

— Я люблю, — удивился он. — Просто давно не был.

— Ты сам рассказывал, что вода вызывает у тебя дурные воспоминания.

Он замолчал. Действительно ли рассказывал? Образ моста возник в голове так ясно, что спорить показалось невозможным. Но когда Джоан ушла, Адриан открыл старый альбом и нашёл фотографии их первого совместного отдыха: они сидели на пляже, мокрые до колен, смеялись над перевернутой лодкой. Сзади рукой Марианны было подписано:

«Он согласен жить у моря, если я однажды попрошу».

Адриан долго изучал эту фразу. Ему не казалось, что жена врала о его страхе. Возможно, она просто помнила его иначе. И всё же в последние годы любое собственное несогласие он сначала проверял по её памяти, а лишь затем решался произнести.

...

Марианна заметила, куда направился его взгляд.

— Что-то случилось?

— На фабрике нашли тело.

— На какой?

— Старой красильной. Говорят, сотрудник городского совета.

Она взяла чашку обеими руками.

— Как ужасно.

Она произнесла это правильно — с тем самым тихим сожалением, которым отвечала на плохие новости. Даже чуть задержала взгляд на пустом стуле напротив, словно пыталась представить место отсутствующего человека.

— Ты его знал? — спросила она.

Адриан покачал головой.

— Нет.

Ему не нравилось, как прозвучало слово. Слишком быстро, слишком ровно. Он снова взял нож, хотя хлеб уже был нарезан.

Марианна отвела глаза первой.

— Тогда не стоит думать об этом до завтрака.

Она поднялась, подошла к нему со спины и положила руки на плечи.

— Сегодня утром ты слишком серьёзен.

— Просто устал.

— Мы давно никуда не ездили вдвоём. Может, на выходных к морю?

— Там уже холодно.

— Мне нравится холодное море.

Он повернулся, чтобы поцеловать её. Марианна ответила с привычной теплотой, и на мгновение Адриану стало стыдно за всё то, о чём он думал последние двенадцать часов.

...

Марианна любила утренние разговоры с мужем больше вечерних. Вечером Адриан уставал, откладывал ответы, иногда раздражался. Утром он охотнее соглашался с тем, что казалось само собой разумеющимся: в жизни существует справедливость, за боль надо отвечать, слабых следует защищать. Их семейные беседы строились на этих простых словах, которые никто не мог оспорить, не показавшись жестоким.

За завтраком она рассказала ему о женщине, которая в детстве лишилась дома из-за решения муниципальной комиссии. Имени не назвала. Сказала, что девушка всё ещё боится открывать письма с гербом города, потому что когда-то в таком конверте семье прислали уведомление о выселении.

— Такие люди должны отвечать за свои решения, — ска-

зал Адриан.

— Кто именно?

— Те, кто подписывал бумаги.

— А если подпись была формальной? Если человек ничего не знал?

Он задумался, потом сказал, что незнание не всегда оправдывает. Марианна улыбнулась и передала ему соль. Разговор закончился спокойно, почти нежно.

На работе она вела записи для профессиональной статьи о том, как меняются моральные оценки человека под влиянием повторяющихся историй. В научном тексте она не могла использовать сведения клиентов без согласия, и редактор уже дважды просил удалить необоснованные обобщения. Марианна злилась не на замечания, а на самую необходимость объяснять, почему она уверена в своих выводах. Профессиональная жизнь всё чаще казалась ей тесной комнатой, где каждый ключ находился у другого человека.

Во время перерыва позвонила старая подруга Джоан. Они вместе учились, но давно перестали встречаться. Джоан спрашивала, не хочет ли Марианна выступить на конференции по этике психотерапии.

— Ты ведь знаешь, как я отношусь к этике, — ответила Марианна.

— Именно потому и звоню.

— Опасная формулировка.

— Не опаснее твоего любимого тезиса, что люди порой

нуждаются в болезненном знании о себе. Я хочу, чтобы ты объяснила, где проходит граница.

Марианна отшутилась. После звонка долго смотрела на экран. Граница раздражала её тем, что существовала независимо от человеческого желания её переступить. Адриан этого раздражения не знал. Для него жена оставалась человеком, который никогда не сомневается в правильном выборе.

Вечером он принёс ей маленькую веточку жасмина из сада. Марианна поставила её в воду и неожиданно спросила:

— Если бы ты однажды узнал, что я причинила кому-то боль, ты перестал бы меня любить?

— Нет, — ответил он после паузы. — Но я хотел бы знать правду.

Она отвернулась, чтобы поправить вазу. Слова «хотел бы знать» ей не понравились. Любовь, в которой другой человек сохранял право на собственный вопрос, казалась ей недостаточно надёжной.

...

После завтрака они вместе вымыли посуду. Марианна убрала чашки, он протёр стол и выбросил скомканный пакет из пекарни. На дне пакета лежала бумажная салфетка. Он развернул её, увидел карандашную запись — два времени, адрес и слово «север» — и поспешно сжал в кулаке.

— Что там? — спросила Марианна.

— Ничего. Чек.

Она стояла у дверцы посудомоечной машины. Адриан ви-

дел лишь отражение её лица в тёмном стекле.

— Тогда выброси, — мягко сказала она.

Он выбросил.

В девять без четверти жена уехала на работу. Адриан вышел следом, закрыл дверь, дважды проверил замок и пошёл к своей машине.

На его телефоне висело неотправленное сообщение. Он набрал его ночью, а потом долго смотрел на экран.

«Я больше не могу».

Получателем значилась Марианна.

Он удалил текст, прежде чем завести двигатель.

...

Кабинет Марианны находился на втором этаже бывшего купеческого дома. Потолки были высокими, окна выходили на парк, где в октябре деревья выглядели так, будто кто-то осторожно снимал с них листья один за другим.

Администратор Мэйв О'Коннор уже была на месте. Она разложила папки по времени записи и поставила рядом с монитором стакан воды.

— Доброе утро, доктор Хейл.

— Доброе, Мэйв. Ты выглядишь расстроенной.

— Не выпалась. У сына температура.

— Почему ты не осталась с ним?

— Мама обещала присмотреть. И у нас полная запись.

— Я могла бы перенести часть встреч.

Мэйв улыбнулась благодарно, но не отступила.

— Всё в порядке.

Марианна вошла в кабинет. Подоконник занимали орхидеи, длинный диван был обит серой шерстяной тканью. На стене не висели дипломы: пациенты и без того знали, к кому пришли. Вместо них над книжными полками была фотография берега в тумане.

...

За восемнадцать лет совместной жизни Адриан выучил немало бесполезных подробностей о жене. Она не переносила запаха грушевого мыла. Никогда не садилась спиной к открытой двери. Утром сначала открывала окно, затем проверяла телефон и только потом позволяла себе кофе. Могла отличить чужую дорогую ткань по тому, как человек держался в кресле, а собственное старое пальто носила так, будто это был не предмет одежды, а доказательство верности себе.

В тот день на кухонной полке лежал конверт. Узкий, белый, без марки. На лицевой стороне было написано: «Для человека, который помнит мост».

— Что это? — спросил Адриан.

Марианна не сразу подняла голову. В её руках была раскрыта газета, но он заметил, что жена уже давно не переворачивает страницы.

— Кто-то оставил в ящике для корреспонденции. Возможно, шутка.

— Ты его открывала?

— Он адресован не мне.

Эта фраза прозвучала так мягко, что Адриан испытал короткую благодарность: она по-прежнему уважала границу, которой он сам давно не умел придерживаться. Он надорвал край. Внутри лежал кусочек бумаги, вырезанный из старого расписания поездов. На обороте — всего три слова: «Она не утонула».

Некоторое время в кухне слышно было лишь, как остывающий радиатор щёлкает под окном. Адриан не мог припомнить, когда в последний раз испытывал подлинное удивление. Обычно новое событие почти сразу получало объяснение — собственное, чужое, придуманное Марианной. Сейчас объяснение не приходило.

— Ты ведь понимаешь, что это может быть провокацией, — сказала жена.

— Откуда кто-то знает?

— Люди знают удивительно многое о чужом прошлом, если оно однажды стало предметом сплетен.

Она потянулась к конверту, но не взяла его. Адриан заметил, что её пальцы чуть побелели на ручке чашки. Ему захотелось объяснить это страхом за него. Желание оказалось таким привычным, что почти стерло само наблюдение.

— Я должен позвонить в полицию, — сказал он.

— С чем именно? — Марианна не насмеялась. Она умела задавать вопрос так, что собеседник сам чувствовал нелепость своего намерения. — Ты придёшь туда и скажешь, что человек, о котором ты много лет боялся думать, возможно,

жив? На каком основании?

Адриан смотрел на три слова. Он вспомнил старую каменную ограду, сырой ветер и собственную руку, резко протянутую к Сильвии. В памяти никогда не было её падения. Но после той ночи он много раз видел его во сне. Сны постепенно стали убедительнее фактов.

— Я хочу знать, — сказал он.

Марианна положила газету рядом с тарелкой, выровняла её угол. Адриану вдруг вспомнилось, как в первые месяцы брака она разглаживала ладонью смятые страницы его блокнота. Тогда это казалось нежностью.

— Я тоже, — ответила она.

И именно потому, что впервые за много лет он не поверил ей целиком, Адриан спрятал конверт в карман пальто, а не в общий ящик для бумаг.

...

Телефон завибрировал.

На экране появилось уведомление местного новостного сайта: «На заброшенной фабрике обнаружено тело муниципального служащего».

Марианна прочитала заголовок, открыла статью и задержалась на фотографии здания. Потом перевернула телефон экраном вниз.

Она включила компьютер и посмотрела расписание. В десять должна была прийти Нора Уолш. Тридцать четыре года, вдова, третий месяц после гибели мужа. На прошлой неде-

ле Нора попросила дополнительный приём, потом отменила его и написала длинное письмо с извинениями. Марианна не ответила сразу.

Теперь письмо лежало в архиве. В последнем абзаце Нора писала:

«Я понимаю, что ответственность за всё несу сама. Просто раньше я была уверена, что помню некоторые вещи. Теперь уже не знаю».

Марианна закрыла письмо.

Из ящика письменного стола она достала тонкую голубую папку, не имевшую отношения к приёмам. Внутри лежала фотография двадцатилетней давности: мост над узкой речкой, две женщины и мужчина, заслонившийся ладонью от солнца.

У мужчины было лицо Адриана.

Одну женщину из снимка ещё можно было встретить в городе.

Другую никто не видел восемнадцать лет.

Марианна провела пальцем по белому краю фотографии и тихо сказала:

— Ты ведь обещала не возвращаться.

В дверь постучали.

— Нора пришла, — сообщила Мэйв.

Марианна убрала папку и поднялась навстречу женщине, которая считала её единственным человеком, способным объяснить случившееся.

ГЛАВА 3

Всё, чего не было в деле

В полицейском участке Рейвенсвика пахло горелым кофе и батареями, в которые кто-то забыл добавить воду. Элис поднималась по лестнице с двумя бумажными стаканчиками, когда ей позвонила мать.

Она посмотрела на экран и ответила только после третьего сигнала.

— Я на работе.

— У тебя всегда работа. Ты хотя бы видела сообщение от Дэниела?

Элис остановилась на площадке.

— Что за сообщение?

— Он спросил, можно ли забрать вещи в субботу. Сказал, что ты не отвечаешь.

— Потому что он уже забрал вещи два месяца назад.

— Видимо, не все.

— Мам, я перезвоню.

— Я не хочу вмешиваться, Элис. Просто не надо делать вид, что этого брака никогда не было.

Линия оборвалась. Элис некоторое время смотрела на тёмный экран. Потом поднялась на этаж, поставила один стаканчик перед Оливером и сказала:

— Если увидишь в коридоре бывшего мужа с коробкой, скажи, что я на вскрытии.

— Это будет правдой?

— В той степени, в какой ему необходимо.

Оливер приподнял крышку кофе.

— Я узнал, кто девушка на снимке.

Элис села.

...

Маргарет Холлоуэй попросила Элис не записывать последние минуты разговора на диктофон. Она знала, что полицейская процедура требует точности, но больше не могла слышать собственный голос в чужой записи. Элис остановила устройство и подчеркнула в блокноте: не для доказательственной части.

— Он был не таким, каким его показывают сейчас, — сказала Маргарет.

— Каким?

— Плохим. Или хорошим. Он мог быть очень добрым и очень трусливым. Особенно когда речь заходила о тех годах.

Они сидели в крошечной кухне, где на холодильнике висели списки покупок и магнит с морским маяком. Маргарет принесла старую коробку из-под печенья. Внутри лежали письма, которые муж не решался выбросить: налоговые уведомления, фотография дочери, выцветшая карточка с телефоном бывшего начальника.

— Я нашла это ночью. Сначала хотела всё сжечь.

Она выложила на стол конверт без марки. Адрес был напечатан на обычном офисном принтере. На обороте чьей-то рукой стояло одно слово: «Вспомни».

Элис не тронула конверт.

— Вы открывали его?

— Да. Там была копия детской фотографии. Сначала я подумала, что кто-то хочет нас шантажировать из-за старого дела. Мартин сказал, что всё это ошибка.

— Какого дела?

Маргарет взглянула на окно.

— Он работал с программами фонда. Бумаги, субсидии, разрешения на помещения. Считал себя человеком, который только выполняет указания. Я много раз спрашивала, почему он ушёл оттуда. Каждый раз получала новый ответ. Знаете, что обиднее всего? Я любила его и без ответов. А он не верил.

В дверях появилась взрослая дочь Холлоуэев, Ханна. Сухой поздоровалась и, не садясь, спросила, почему мать снова рассказывает о фонде.

— Потому что это связано со смертью папы, — сказала Маргарет.

— Мы не знаем, связано ли, — поправила Элис.

Ханна кивнула с явным облегчением.

— Спасибо. Я просто хочу, чтобы нас перестали превращать в сюжет.

После её ухода Маргарет некоторое время молчала.

— Вы правда не знаете, был ли он виноват?

— Пока у меня нет такого ответа.

— А если он делал ужасные вещи и потом боялся наказа-

ния, разве это значит, что с ним могли сделать всё, что угодно?

— Нет. И это не значит, что мы не должны расследовать его смерть.

Маргарет впервые подняла голову. На секунду в её лице появилось что-то похожее на благодарность, но она ничего не сказала. Элис попросила разрешения упаковать конверт как возможное доказательство. Женщина согласилась. Позднее лаборатория выяснит, что бумагу купили недавно, хотя фотография была старой. Пока это была лишь ещё одна деталь, не имевшая своего места.

...

— Уже?

— Не я один. Работала архивная группа. Пиджак — старой школы Святой Анны, значок с чайкой вручали победителям районных соревнований. В ежегоднике за 2003 год нашли ту же девочку. Лия Уокер. На фотографии ей четырнадцать.

Он повернул монитор к Элис. На экране была фотография класса: два ряда подростков, улыбающаяся учительница, упрямая девочка с косой на заднем плане.

— Где она сейчас?

— В Лидсе. Переехала десять лет назад, работает в библиотеке. Но это не всё. Её отец, строитель Пол Уокер, погиб после того, как лишился работы и жилья. Дело о незаконном увольнении рассматривала комиссия, в которой тогда рабо-

тал наш Холлоуэй.

— Он был виноват?

— Не доказано. Семья утверждала, что комиссию подкупили. Холлоуэй подписал заключение, закрывшее проверку.

Элис снова взглянула на девочку.

— Снимок случайный?

— Возможно. Но сама Лия говорит, что у неё его много лет нет. Последний экземпляр пропал ещё во время переезда. В полицейском участке Лидса с ней уже связались. Она сейчас едет сюда добровольно.

— Почему?

— После новости о Холлоуэе ей стало страшно. Сказала, что в прошлом месяце кто-то присылал ей пустые конверты.

— Никаких записок?

— Один раз фотографию её покойного отца. Без подписи. Элис откинулась на спинку стула.

— Кто ещё знал про это дело?

— Полгорода. Тогда были протесты. Но прошло двадцать три года.

— Люди могут забыть детали. Обиду забывают реже.

Оливер открыл другое окно.

— А теперь жена Холлоуэя. Маргарет согласилась приехать на беседу. Предпочла участок дому. Сказала, что больше не хочет отвечать на телефон.

— Ей угрожали?

— До сообщения о смерти — нет. После начали звонить

журналисты.

В дверь заглянула младший констебль Лора Грант.

— Миссис Холлоуэй здесь. Я отвела её в четвёртую комнату. Ей принести воды?

— Да. И попроси кого-нибудь проверить, удобно ли ей ждать.

Элис поднялась, взяла блокнот. Оливер пошёл следом.

...

Суперинтендант Харрис попросил Элис провести дополнительный разговор с сотрудником городского архива. Молодой архивист Сэм Рид показал реестр жалоб на деятельность фонда за десять лет. В папке не оказалось никакого тайного списка; лежали скучные заявления о задолженностях подрядчикам, жалобы жильцов на ремонт и протоколы муниципальных заседаний.

— Самое неприятное, — сказал Сэм, — что документ может существовать и оставаться невидимым. Ему не нужно исчезать. Достаточно присвоить неправильный индекс.

Он показал запись о платеже, проведённом как расходы на культурное мероприятие, хотя к ней прилагался счёт за временное размещение семьи после выселения. Рядом стояла подпись Холлоуэя.

Элис не стала делать выводов. Она попросила заверенную копию и сведения о том, кто мог изменять индекс после закрытия дела. В компьютерном журнале сохранилось имя администратора, которая уволилась семь лет назад. Её нашли в

соседнем графстве. Женщина говорила по телефону коротко: она помнила множество переводов документов из одного раздела в другой, но делала это по письменным указаниям.

— От кого? — спросила Элис.

— От начальника. Если хотите фамилию, пришлите официальный запрос. Я не стану опять двадцать лет доказывать, что делала свою работу.

Элис положила трубку и увидела на соседнем столе конверт от мужа. Дэниел прислал документы о разделе расходов на квартиру. К каждой строке было приложено пояснение, аккуратное и немного обидное своей предусмотрительностью. Она провела пальцем по бумаге и подумала, что когда-то считала его осторожность недостатком, пока собственная работа не научила её цене точной записи.

В обед Оливер принёс список людей, попавших на городские камеры около стройки. Два автомобиля удалось установить, третий принадлежал службе доставки. Водитель утверждал, что проезжал мимо пустого здания и видел человека в светлом плаще возле ворот. На вопрос о лице ответил, что не видел его: тот стоял спиной. Элис велела записать именно это, без предположения о поле или росте.

Собрав материалы, она снова перечитала письмо, полученное редакцией до обнаружения тела. Автор описал не только обстоятельства убийства, но и поступок жертвы, о котором знали бывшие сотрудники фонда. Это сужало круг возможных источников, но не обязательно круг убийц. Ин-

формацию мог передать кто угодно. Элис решила пока не искать того, кому было выгодно назвать Холлоуэя виновным. Сперва нужно было узнать, кто мог подтвердить, что старое обвинение вообще соответствовало действительности.

...

На следующий день Элис позвонил Дэниел. Он не требовал разговора о разводе и не предлагал встретиться: хотел только предупредить, что забрал свой велосипед из гаража, но оставил запасной ключ на полке. Элис сказала «спасибо», и связь оборвалась. Слова прозвучали слишком буднично для окончания пятнадцати лет совместной жизни.

Они познакомились на университетской вечеринке, когда Элис ещё не решила, уйдёт ли в уголовную практику. Дэниел играл на барабанах в любительской группе и умел рассмешить её в те минуты, когда она пыталась быть серьёзнее собственного возраста. Потом они много лет разговаривали о делах, ремонте, счетах и родственниках. В их браке не было тайного чудовища. Было постепенное исчезновение способности спрашивать друг друга о самом важном.

Элис вспомнила последнюю ссору. Дэниел сказал, что боится всё время оказываться виноватым в её усталости. Она ответила, что никогда не обвиняла его. Это была правда, но неполная. Он не лгал, когда говорил, что её молчание иногда звучало как приговор. Ни один из них не управлял другим тайным методом. И всё же долгие годы они учились причинять друг другу боль привычными способами.

Утром Элис показала Оливеру записи о консультациях Холлоуэя. Он спросил, почему психолог мог понадобиться человеку, который работал с муниципальными архивами.

— По тысячам причин, — ответила Элис. — Не начинай с предположения, что он пришёл признавать преступление.

Оливер кивнул и показал распечатку сообщения, полученного сыном погибшего за неделю до смерти отца. Мартин писал: «Если тебе скажут, что я плохой человек, сначала поговори со мной». Сыну не ответил. Теперь мучился этим молчанием. Элис предложила поговорить с ним без предположения, будто текст был предсмертным признанием.

Молодого человека звали Бенджамин. Он пришёл в участок в спортивной куртке, держал в руках телефон и отказывался садиться.

— Мы поссорились из-за денег, — сказал он. — Я просил помочь с ипотекой. Он сказал, что не может сейчас. Я назвал его жадным.

— И после этого получил сообщение?

— Да. Я решил, что он пытается вызвать чувство вины.

Элис не стала убеждать его в обратном. Попросила вспомнить разговор точно, без оценки. Отец говорил о старых бумагах, о страхе, что кому-то станет известно то, что он сделал в молодости. Бенджамин никогда прежде не слышал этих слов. Он был готов считать их способом оправдать отказ.

— Вы думаете, он был замешан в преступлении?

— Пока не знаю. Но, возможно, он пытался вам сказать

не только о деньгах.

Когда молодой человек ушёл, Элис долго смотрела на сообщение. У этой смерти было по крайней мере две истории: преступление, которое ещё требовалось доказать, и человеческая жизнь, к которой полиции позволили прикоснуться слишком поздно. Она не хотела, чтобы расследование первой уничтожило вторую.

...

Маргарет Холлоуэй оказалась женщиной лет пятидесяти, небольшого роста, в тёмно-синем пальто. Она сидела прямо, сцепив пальцы на коленях, и смотрела на пустой стакан. Когда Элис представилась, Маргарет кивнула без выражения.

— Мне очень жаль, что приходится разговаривать с вами сегодня, — сказала Элис. — Если станет тяжело, остановимся.

— Нет, — ответила Маргарет. — Давайте сегодня. Завтра я могу передумать.

Она говорила отрывисто, словно каждое слово приходилось вытаскивать из горла.

— Когда вы видели мужа в последний раз?

— Вчера в половине восьмого. Он ужинал, потом уехал. Сказал, что встретится с человеком, который знает кое-что о старой работе.

— Мужчина или женщина?

— Не сказал.

— Вы спрашивали?

— Конечно. Мы тридцать один год женаты. Я всегда спрашиваю, когда мой муж уходит из дома в восемь вечера с таким лицом.

— Что было с его лицом?

Маргарет посмотрела на Элис, и впервые в её взгляде возникло что-то похожее на гнев.

— Он боялся.

— Кого?

— Не знаю. Последние недели приходили письма. Без подписи. Он уносил их в гараж и там читал. Иногда жёг.

— Вы видели содержание?

— Один раз. На листе было всего одно предложение: «Ты помнишь девочку с корабликом?»

Оливер перестал записывать. Элис ощутила, как всё, что до этого казалось далёкой семейной обидой, сдвинулось с места.

— Что сказал ваш муж?

— Что это старая ошибка. Что кто-то хочет денег. Я спросила, у кого. Он ответил, что не всё можно исправить деньгами.

Маргарет провела ладонью по столу, будто разглаживала несуществующую складку.

— Знаете, что самое страшное? Я не была удивлена, когда вы позвонили. Я всё утро пыталась понять, почему. А потом вспомнила: вчера вечером он надел хорошие туфли. Те, что обычно берёт для похорон и судебных заседаний. Люди ведь

не выбирают лучшие туфли, когда просто едут на работу.

— Он оставил записку?

— Нет. — Маргарет вскинула подбородок. — И не надо спрашивать, мог ли он сделать это сам. У Мартина были недостатки. Он был трусливым человеком, наверное, нечестным. Но последние дни он пытался рассказать мне что-то важное. Он не стал бы уходить, не договорив.

Элис выдержала паузу.

— Кто мог хотеть, чтобы он замолчал?

— Вы считаете, что я знаю?

— Я считаю, что вы могли услышать имя или заметить человека, который не показался вам значительным.

Маргарет долго молчала.

— Однажды он сказал, что встретил хорошую женщину. Что она знает, как говорить с людьми, когда они не могут простить себя.

— Имя?

— Нет. Я решила, что у него роман.

Она подняла глаза. В них стояли слёзы, но голос остался твёрдым.

— Я была так зла, что два дня с ним не разговаривала. А он ведь, наверное, хотел мне признаться в другом.

После беседы Оливер занёс материалы в систему. Элис осталась у окна коридора и смотрела во двор участка, где машина с разбитым бампером занимала сразу два парковочных места.

...

Роберт Харрис придерживался старого правила: если следователь начинает говорить о преступнике в единственном числе слишком рано, нужно заставить его снова перечислить все возможные версии. Когда Элис принесла первый отчёт, он попросил не описание предполагаемого маньяка, а список обстоятельств, которые могут разрушить её гипотезу.

— Возможно, фотографию оставил убийца, — сказала она. — Возможно, её принёс другой человек, который пришёл после смерти Холлоуэя. Возможно, снимок вообще оказался рядом по причине, которую мы пока не знаем.

— Хорошо. А что по самому Холлоуэю?

Она рассказала о работе в жилищной комиссии, жалобах семей, расследованиях фонда, которые ничем не закончились. Харрис выслушал и спросил, были ли против погибшего обвинения, подтверждённые судом.

— Нет. Некоторые решения вызывали серьёзные вопросы, но юридическая ответственность по ним не установлена.

— Тогда не позволяй нам самим превратиться в жюри по его прошлому.

После совещания Элис попросила Оливера пойти с ней в архив городского совета. Архив находился в подвальном крыле здания, где стены украшали старые фотографии мэров, а электронная система поиска то и дело выдавала ошибку. Сотрудница с забранными в пучок волосами объяснила, что часть документов была передана на хранение частному

оператору. Ещё часть уничтожили по правилам срока хранения, и это нельзя было автоматически считать сокрытием.

— Вы часто сталкиваетесь с такими запросами? — спросила Элис.

— Обычно люди хотят подтвердить, что дом, который их заставили покинуть, когда-то принадлежал им по праву. Вы первая, кто ищет здесь причину убийства.

Она провела их к шкафу с папками. Из старого конверта выпал лист школьной бумаги, сложенный пополам. На нём было нарисовано окно и написано детским почерком: «Мама говорит, здесь холодно». Сотрудница архива попросила не трогать бумагу, пока не закончится опись. Элис стояла и думала, что кто-то сохранил эту записку как приложение к жалобе, а затем забыл о ней на восемнадцать лет.

Оливер спросил:

— Может быть, Холлоуэя убили за это?

— Мы пока не знаем. И если узнаем, это не сделает убийство справедливым.

У выхода их остановил пожилой мужчина. Он услышал фамилию Холлоуэя и рассказал, что тот однажды лично принёс в дом временные обогреватели после аварии отопления. Оливер записал сведения и неожиданно смутился: в его голове погибший уже успел стать безликим бюрократом. Элис велела ему включить рассказ в материалы, независимо от того, подтвердится ли он. Жертва не обязана быть нравственно удобной для того, чтобы её убийство расследовали добросо-

вестно.

...

В кармане завибрировал телефон. От Дэниела пришло сообщение: «Не хочу ссориться. Просто нужно забрать альбомы».

Элис набрала ответ: «Забирай, когда меня не будет». Стерла. Написала: «В субботу в два». Отправила.

— Элис? — Оливер показался из кабинета. — Пришли первые данные из лаборатории. На фотографии девочки обнаружили следы свежей обработки — её вставляли в рамку недавно. А на обороте есть отпечаток слова, которое не видно глазом.

— Какого?

— «Прости».

— Почерк Холлоуэя?

— Пока не знаем. И ещё. Проверили его последние звонки. За две недели он трижды набирал номер частного кабинета психотерапии.

Элис медленно повернулась.

— Кого именно?

— Доктора Марианны Хейл. Очень известная женщина. Проводит лекции по травматическим воспоминаниям, ведёт клиентов из соседних графств.

Элис записала имя на чистой странице блокнота.

Ей ещё предстояло узнать, что рядом с этой фамилией вскоре появятся другие имена. И что некоторые из них по-

лицейская система уже давно записала в графу «несчастный случай».

ГЛАВА 4

Неудобная правда

Нора Уолш пришла за семь минут до назначенного времени и отказалась снимать пальто.

Мэйв дважды предложила ей чай. Женщина поблагодарила, но даже не посмотрела на поднос. Она сидела в приёмной с сумкой на коленях. На безымянном пальце правой руки белела тонкая полоска кожи: кольцо сняли недавно.

Марианна вышла ей навстречу ровно в десять.

— Нора. Хорошо, что вы пришли.

— Я почти не приехала.

— Но вы здесь.

Они прошли в кабинет. Марианна предложила привычное место на диване, а сама села в кресло напротив. Между ними стоял низкий столик с коробкой бумажных платков и графином воды.

— У вас были трудные дни? — спросила Марианна.

Нора посмотрела в окно.

— Мать сказала, что я схожу с ума. Приходит каждый вечер, переставляет вещи в шкафах, говорит, что так лучше. Я прошу её оставить нас в покое, потом вспоминаю, что никакого «нас» больше нет.

Марианна не перебивала.

— Он умер четыре месяца назад, — продолжила Нора. —

А я до сих пор ставлю ему кружку. Это ведь ненормально?
— В горе нет расписания.
— Вы всегда говорите очень красиво.
Слова прозвучали без благодарности.

...

Нора вышла из кабинета Марианны с ощущением, что нарушила какое-то правило, хотя не смогла бы назвать ни одного. Ей следовало возвращаться домой, где на кухонном столе лежали неоплаченные счета и неоткрытые соболезнования. Вместо этого она пошла вдоль набережной, зашла в маленькую пекарню и купила два пирожных. Второе она по привычке взяла для Джеймса. Только на кассе сообразила, что произошло, и попросила продавца завернуть оба вместе.

В доме Джеймса почти ничего не изменилось после похорон. Его куртка висела на крючке, ключи лежали в миске у двери, а на подоконнике стояла чашка, которую Нора никак не решалась помыть. Сын Тео вернулся из университета на неделю и теперь ходил по комнатам, стараясь занимать меньше места, чем обычно. Он увидел коробку с пирожными и улыбнулся так осторожно, что у Норы заболело горло.

— Ты купила любимые папины?

— Да.

— Можно одно?

Она кивнула. Тео ел стоя, над раковиной, чтобы крошки не падали на стол. В восемь лет он считал отца человеком, который умеет починить что угодно. В двадцать стал редко

звонить ему. Нора боялась, что теперь между этими двумя возрастaми останется лишь чувство вины.

— Мама, — сказал сын, — почему ты всегда говоришь, будто папа сам выбрал всё, что с ним случилось?

Она закрыла коробку.

— Потому что мы не знаем другого.

— Но ты не можешь знать и этого.

Нора резко обернулась. Тео поднял ладони, словно защищаясь от удара.

— Я не обвиняю тебя. Просто ты повторяешь одни и те же фразы. Они совсем не похожи на то, как ты говорила раньше.

Слова попали больше, чем он мог предположить. Нора вспомнила утренний сеанс и вопрос Марианны о том, может ли чужая беда перестать быть ответственностью живых. Тогда она почти кивнула. Сейчас впервые услышала, насколько эта мысль похожа на оправдание чужого бездействия.

— Мне нужно разобраться в бумагах, — сказала она.

— Я помогу.

Они начали с ящика письменного стола. Джеймс складывал документы без системы, но отдельно держал небольшой блокнот с перечислением встреч. Между страниц лежал талон парковки у центра семейного консультирования и записка на обороте чека: «Она знает про отчёт. Не подписывать без оригинала». Подписи не было.

— Это про психолога? — спросил Тео.

— Не знаю.

Нора хотела сказать, что разберётся сама, но вместо этого сфотографировала записку и отправила сообщение сестре. Впервые за много недель ей показалось возможным попросить помощи не у человека, который был уверен в единственной версии событий.

...

Марианна выждала.

— Что вас сейчас больше всего тревожит?

— На прошлой неделе я нашла записную книжку Джеймса.

Нора открыла сумку и положила на стол потрёпанный блокнот с зелёной обложкой.

— Вы ведь встречались с ним? До аварии?

— Я не могу обсуждать обращения другого человека без соответствующих оснований, — осторожно ответила Марианна.

— Но я его жена.

— Я понимаю.

— Была, — поправила Нора. — Я была его женой.

Джеймс Уолш погиб в июне. Его автомобиль съехал с дороги в карьерную низину после полуночи. Дело закрыли как несчастный случай. Свидетелей не было; в материалах расследования отмечалось, что мужчина некоторое время испытывал сильный стресс.

— Знаете, что он написал за три дня до смерти? — спросила Нора. — «Марианна сказала, что я должен перестать

врать себе». И ещё: «Я не уверен, что был там». Что это означает?

— Вы принесли книжку, чтобы мы вместе попытались разобраться?

— Я принесла её, потому что он считал вас человеком, которому можно рассказать правду.

Впервые за весь разговор Марианна слегка изменила позу. Она поставила обе ступни на пол и убрала руки с подлокотников.

...

Марианна вела собственный дневник с двадцати лет. Сначала это были обычные записи студентки: страх перед экзаменами, сомнения в выборе профессии, восторг от знакомства с Адрианом. Постепенно в тетрадях появлялись короткие наблюдения о других людях. Не имена, а свойства, как будто она собирала коллекцию насекомых: «нуждается в одобрении», «принимает упрёк за признание близости», «всегда стремится первым извиниться».

Однажды её университетский преподаватель, профессор Эдгар Ли, увидел подобную запись и сказал:

— Человек — не набор кнопок. Если вы умеете предсказывать реакцию, это ещё не даёт права её вызывать.

Тогда Марианна обиделась. Ей казалось, что преподаватель не оценил её наблюдательности. Спустя годы она по-прежнему помнила его голос. Слова Ли были почти единственными, которые она не смогла превратить в объяснение

чужой зависти или несправедливости.

После ухода Норы она достала из ящика старый ежедневник. На странице, посвящённой Джеймсу Уолшу, стояла краткая пометка о реакции на воображаемую ответственность. Марианна читала и чувствовала раздражение: пациент ушёл из жизни раньше, чем она закончила собственные наблюдения. Она не называла случившееся экспериментом даже в мыслях, предпочитая слова «процесс», «сдвиг» и «открытие». Эти термины позволяли сохранить образ специалиста, который только наблюдает.

Завонил телефон. Мэйв сообщила, что Нора снова звонила, спрашивала о последней встрече мужа с Марианной и готова разрешить передачу части документов полиции.

— Передай ей, что мы действуем только через установленный порядок, — сказала Марианна.

— Я уже передала.

— И больше не обсуждай ни один вопрос по телефону.

Мэйв помолчала.

— Она очень переживает.

— Я знаю. Именно поэтому нельзя поддерживать её тревогу.

Когда дверь закрылась, Марианна взглянула на фотографию Адриана, стоявшую у окна. Она ещё любила его лицо, его привычку мять салфетку перед трудным разговором, его неуклюжую заботу. Но всё чаще замечала в нём то, чего нельзя было назвать нежностью: он стал спрашивать не

разрешение, а основание. Она почувствовала обиду, словно муж нарушил негласный договор.

За годы брака этот договор никогда не формулировался вслух. Она помогала ему объяснять мир, он позволял ей быть человеком, который понимает всё. Теперь Адриан начал задавать вопросы о мосте. Он мог разрушить не только её репутацию, но и единственный союз, в котором она всегда чувствовала себя необходимой.

...

— Что, по-вашему, он скрывал?

— Не знаю. Я и пришла спросить вас.

Нора засмеялась коротко и безрадостно.

— Понимаете, какое это безумие? Я прихожу к врачу и спрашиваю о собственном муже, которого уже нет. А врач спрашивает меня, что я думаю. Кажется, я три месяца разговариваю сама с собой, только за это выставляют счёт.

Марианна не обиделась. Она протянула женщине воду.

— Я слышу, что вы злитесь. И это понятно.

Нора не взяла стакан.

— Нет. Вы не слышите. Я злюсь, потому что вчера сестра сказала: Джеймс мог умереть не случайно. А я ответила, что это неправда. И поняла, что даже не знаю, почему уверена. Мы с ней никогда не обсуждали аварию подробно. Я просто всё время повторяла одно и то же.

— Что именно?

— Что он устал. Что сам во всём виноват. Что если бы он

не уехал, мы бы поговорили.

Она подняла на Марианну опухшие глаза.

— Это вы тогда сказали мне: «Он сделал свой выбор». Помните?

Марианна медленно кивнула.

— Я помню наш разговор.

— А почему я его не помню целиком?

В комнате зашумело отопление. Длинные листья орхидеи качнулись от потока тёплого воздуха.

— Нора, когда человек переживает трагедию, многое воспринимается обрывками. Но я не хочу объяснять ваши сомнения за вас.

— Тогда просто скажите: Джеймс был плохим человеком?

Марианна посмотрела на блокнот. С угла зелёной обложки отходила плёнка, и под ней виднелись серые волокна картона.

— Я не думаю, что один вопрос способен определить целую жизнь.

— А он думал, — прошептала Нора. — Последние недели только и говорил, что всё испортил. Я спрашивала, что именно. Он не отвечал. Сидел за кухонным столом и смотрел на дверь, как будто ждал, что кто-то придёт.

Нора расплакалась неожиданно, без предупреждения. Марианна придвинула коробку с платками. Она не коснулась клиентки, хотя прежде позволяла себе утешающий жест.

...

В начале брака Джеймс Уолш умел просить прощения. За опоздание на встречу, за грубость в телефонном разговоре, за забытый день рождения её матери. Он говорил: «Я был неправ», и Нора верила ему, потому что после этих слов следовало действие: звонок, извинение, починенная ручка двери, которую он обещал не оставлять на потом. За последний год он перестал извиняться за поступки. Теперь он просил прощения за самого себя.

Первые перемены произошли почти незаметно. После визитов к Марианне Джеймс спрашивал Нору, какой она помнит их свадьбу. Не дату, не ресторан — самую атмосферу. Была ли она счастлива или просто старалась его успокоить? Вначале Нора смеялась. Потом заметила, что в вопросах нет любопытства, есть только заранее приготовленный вывод: она должна признать, что он испортил ей жизнь.

Однажды ночью Джеймс разбудил её и попросил подтвердить, что при покупке квартиры восемь лет назад он давил на неё. Нора ответила, что они оба выбрали эту квартиру, потому что в ней было два окна в спальне. Джеймс сказал, что она забывает, потому что так проще. И уже к утру говорил о покупке как о своей непоправимой вине. Нора сама начала сомневаться. Она подняла переписку того времени, нашла своё сообщение сестре — «Это лучший вариант, и Джейми наконец согласился!» — и показала мужу. Он долго держал телефон, потом сказал: «Ты написала это, чтобы не обижать меня». Объяснение нельзя было опровергнуть никакой бу-

магой.

Нора принесла эту историю в кабинет Марианны, когда Джеймс ещё был жив. Специалист выслушала её с обычной внимательностью и спросила, не пыталась ли Нора защищать собственный комфорт, отрицая боль супруга. После этой встречи Нора перестала спорить о квартире. Не потому, что изменила мнение, а потому, что каждый разговор превращал её в обвиняемую.

Теперь, сидя в своей кухне после похорон, она раскладывала письма Джеймса. Часть была написана ему самому: «Я должен помнить», «Я мог их остановить», «Если я отрицаю, значит, виновен ещё больше». В нескольких тетрадях одинаковые фразы были обведены красным карандашом. Нора не знала, кому принадлежал карандаш. Сначала ей захотелось бросить всё в огонь. Потом она взяла чистую папку и начала раскладывать материалы по датам.

По телефону сестра сказала:

— Тебе необязательно доказывать, что он был хорошим человеком.

— Я и не хочу доказывать, — ответила Нора. — Я хочу выяснить, что с ним случилось.

Впервые за много месяцев эти две вещи перестали казаться ей одним и тем же.

...

Когда Нора ушла с приёма, Марианна не сразу позвала следующего человека. Она закрыла дверь и переслушала го-

лосовое сообщение, оставленное ей поздней ночью. На записи кто-то дышал слишком близко к микрофону, затем женский голос произносил: «Вы не должны были говорить ему, что он виноват». Марианна не узнала голос. Не испугалась его — по крайней мере, сказала себе, что не испугалась, — а записала время и удалённый номер на обороте визитной карточки.

Мэйв принесла расписание. До обеда оставалось два приёма и встреча с представителем страховой компании.

— У вас усталый вид, — осторожно заметила она.

— Спасибо за наблюдение.

Мэйв смутилась. Марианна сразу добавила мягче:

— Простите. Я плохо спала.

После полудня в кабинет вошёл мужчина по имени Питер Олдридж. Он переживал расставание с сестрой: после смерти родителей они спорили из-за продажи старого дома. Питер говорил без остановки, перечисляя письма, чеки и обиды. Марианна слушала и в конце спросила, чего он боится больше — потерять дом или признать, что сестра никогда его не любила. Мужчина покраснел и сказал, что не считает сестру бессердечной.

— Тогда почему вы рассказываете мне только её жестокие поступки?

— Потому что за хорошими поступками я и пришёл. Не могу понять, что делать с остальными.

Марианна открыла рот, но вдруг обнаружила, что заго-

товленный ответ прозвучит слишком знакомо. Можно было предложить ему выбрать самое болезненное воспоминание и пересмотреть его, пока прежняя любовь не покажется ошибкой. Так она делала прежде. Вместо этого она спросила о конкретном разговоре, который Питер хотел бы провести. Он начал говорить осторожнее, без прежней злости. Когда уходил, поблагодарил её за то, что сегодня она не пыталась объяснить ему его сестру.

Оставшись одна, Марианна разозлилась. Не на Питера, а на лёгкость, с которой могла бы помочь человеку и ничего при этом не получить для себя. За окном в саду шевелился жасмин, дождевые капли падали с листьев на подоконник. Её мать когда-то говорила: «Если хочешь, чтобы человек остался, стань тем, без кого ему трудно дышать». Марианна научилась этому правилу раньше, чем поняла его жестокость. Но теперь, когда она обладала всеми возможностями жить иначе, ей всё ещё хотелось увидеть чужую растерянность — тихий момент, когда человек наконец спрашивает её, кто он есть.

...

Когда Нора ушла, на столе осталась влажная круглая отметина от стакана. Блокнот женщина забрала с собой.

Мэйв заглянула в кабинет.

— Всё хорошо?

— С Норой трудно. У неё столько горя.

— Она выходила совсем белая. Я предложила вызвать

такси, но она отказалась.

Марианна сложила записи в папку.

— Позвони ей завтра, уточни, как она себя чувствует.

— Конечно.

Мэйв не ушла сразу.

— Можно спросить кое-что личное?

— Попробуй.

— Иногда, когда люди выходят отсюда, мне кажется, что они боятся не того, с чем пришли, а чего-то ещё. Это, наверное, нормально? После тяжёлого разговора?

Марианна подняла глаза. На столе стояла фотография береговой полосы с одиноким домом; её отражение в рамке разделяло лицо хозяйки кабинета надвое.

— Люди редко чувствуют облегчение в ту минуту, когда сталкиваются с неприятным, — ответила она.

Мэйв кивнула, однако по лицу было видно, что ответ не убедил её.

— И ещё вам звонили, — сказала она. — Из полиции. Просили перезвонить детективу Беннетт.

Марианна снова опустила взгляд на папку.

— По какому поводу?

— Не сказали. Только имя.

— Спасибо. Перезвоню после приёма.

Когда дверь закрылась, она открыла нижний ящик стола. Там лежала карточка с номером, написанным много лет назад: «Сильвия. Если потребуется». Бумага пожелтела, чер-

нила чуть поблекли. Номер давно не работал.

Внизу папки оставалась пустая прозрачная обложка с надписью «Нокс». Марианна закрыла ящик прежде, чем успела вспомнить, когда в последний раз её открывала.

ГЛАВА 5

Старый дом священника

К полудню дождь перестал, и Адриан поднялся на строительные леса проверить слуховое окно. Дом стоял на краю площади, напротив церкви, в которой больше не служили. После продажи епархией его несколько лет сдавали под офисы, потом признали аварийным. Теперь частный заказчик собирался открыть здесь маленький пансион для путешественников.

Адриану нравилась работа с такими зданиями. В старой древесине оставались следы чужих рук, а внутри перегородок нередко находились предметы, забытые людьми, прожившими жизнь до него: заржавевшие монеты, сломанные гребни, бумажные обёртки от леденцов. В отличие от людей, дома не пытались объяснять прошлое лучше, чем оно было.

— Господин Хейл!

Снизу махал рукой Габриэль Уайт, двадцатитрёхлетний ученик с волосами, неизменно торчавшими после строительной каски.

— Там заказчик приехал. Спрашивает про сроки.

— Скажи, что мы закончим восточное крыло к пятнице.

— Вы же вчера говорили — к понедельнику.

Адриан посмотрел на него.

— Тогда скажи к понедельнику. Почему ты считаешь, что я прав всегда?

Габриэль засмеялся.

— Потому что вы платите мне зарплату.

Адриан спустился. На площадке возле машины стоял директор проекта, мистер Рош, и возмущённо разглядывал грязные следы на новых ступенях.

— Вы же понимаете, что у меня открытие через месяц?

— Понимаю. Но если вы хотите, чтобы люди ходили по этой лестнице следующие сорок лет, не стоит требовать закончить её до того, как высохнет древесина.

— Можно сказать это помягче?

— Можно. Но дерево от этого не высохнет быстрее.

Мистер Рош фыркнул, а Габриэль спрятал улыбку.

...

На обратном пути с объекта Габриэль попросил Адриана заехать к нему домой. Молодой мастер забыл ключи от квартиры в машине отца, а тот работал на ночной смене. По дороге Габриэль рассказывал о ребёнке, который должен был родиться зимой, и о страхе не справиться с отцовством. Адриан слушал вполуха, пока тот не произнёс:

— Главное — чтобы ребёнок не боялся меня. Остальному научусь.

— Иногда люди боятся нас, даже если мы не делаем ничего плохого.

Габриэль взглянул на него.

— Наверное. Но ведь можно спросить, почему.

Вопрос был поставлен так небрежно, что Адриан едва не рассмеялся. Спросить. Что может быть проще? В его доме любой вопрос превращался в длинную цепь других вопросов: зачем он хочет знать, кому не доверяет, чего боится, что пытается доказать.

У квартиры Габриэля их встретила беременная женщина с небрежно собранными волосами. Она выбежала на лестничную площадку, не дожидаясь звонка, и сначала отругала мужа за забытые ключи, потом прижалась к нему. Адриан отвёл взгляд. Эта пара могла ссориться и не превращать каждую ссору в обстоятельное объяснение характера друг друга.

— Заходите на чай, — предложила женщина.

Он отказался. Ему нужно было домой к восьми, хотя на часах не было ещё шести. На соседнем перекрёстке Адриан остановился у красного сигнала и долго смотрел на двоих школьников, перепрыгивающих через лужу. Он не завидовал их молодости. Завидовал способности делать глупости, не записывая их потом в историю собственной непоправимой вины.

В мастерской его ждала незаконченная рама. Адриан попробовал работать, но рука дрожала. Он нашёл старый металлический ящик, где держал личные документы. На дне лежал блокнот с перечнем первых лет брака: даты поездок, адреса гостиниц, суммы, потраченные на ремонт дома. То-

гда он записывал всё из любви к порядку. На странице за ноябрь 2008 года значилось: «Мост. Сильвия. У неё была сумка». Ниже другим почерком была дописана фраза: «Ты не мог знать, что случится». Адриан провёл пальцем по чернилам. Он помнил, как Марианна держала блокнот в руках. Но не помнил, просил ли её что-нибудь вписывать.

...

После совещания Адриан ушёл в комнату, где хранились чертежи. Он закрыл дверь и достал телефон.

На экране стояла фотография старой красильной фабрики. Ту же самую прислал ночью анонимный отправитель, приложив одну строчку: «Слишком поздно просить его вспомнить».

Адриан не ответил. Он удалил сообщение, но фотографию оставил. Теперь она светила на экране, как пятно, которое невозможно отмыть.

Он сел к столу.

Мартин Холлоуэй не был хорошим человеком — это Адриан знал. Кое-кто из бывших сотрудников комиссии помнил, как благодаря его подписи семья строителя осталась без жилья. Девочка с корабликом, чьё изображение попало к Адриану много недель назад, даже не подозревала, сколько раз он смотрел на её лицо.

Долгое время он говорил себе, что жизнь состоит из оправданий. Холлоуэй оправдывал свои подписи законом; начальство — процедурой; люди вроде него самого — тем,

что иначе не могли.

Однако теперь Адриан всё чаще думал о минуте, в которую можно было остановиться.

Вчера такая минута была.

...

Габриэль Уайт работал с Адрианом почти девять лет, но в дом Хейлов приезжал всего дважды. Он не любил большие гостиные и разговоры, в которых каждую паузу следовало заполнять извинением. Однажды Марианна сказала ему, что его резкость, вероятно, скрывает страх близости. Габриэль ответил, что его резкость обычно скрывает желание закончить ужин. Адриан тогда рассмеялся, но позже попросил друга быть с женой помягче.

У старого дома священника Габриэль показал ему балку, которую намеревались заменить. По словам подрядчика, древесина прогнила. Габриэль зачистил крошечный участок и обнаружил, что основная часть балки цела.

— Кто-то написал «непригодна», потому что так проще включить новую в смету, — сказал он.

— Закажем обследование.

— Закажем. Только заказчик рассердится: ему нужна скорость, а не правда.

Адриан привычно ответил, что виноват тот, кто подписал заключение. Габриэль покачал головой:

— Не всегда. Бывает, один написал, второй не посмотрел, третий поверил. И в конце никто ничего якобы не решал.

Они молча подняли лист фанеры. Слова Габриэля заделли Адриана сильнее, чем тот ожидал. В последние годы он представлял свои преступления цепочкой, где всё началось с чужого рассказа о жестокости, затем следовало его решение наказать виновного, а потом наступала короткая, страшная тишина. Он избегал думать о первой минуте, когда понял, что может уйти домой и никого не тронуть. Если бы он не слышал от Марианны историй о жертвах, он не оказался бы там. Но там, где оказался, он оставался один.

В обед они сидели на ступенях с бутербродами. Габриэль спросил, почему Адриан перестал приходить на встречи бывших учеников реставрационной школы. Тот ответил, что стал занят.

— Нет, — сказал Габриэль. — Ты изменился раньше, чем стал занят. Иногда смотрел на людей так, будто выбирал, кого из нас стоит терпеть.

Адриан хотел возразить, но услышал в словах друга знакомую интонацию: не обвинение, а попытку вернуть разговор к чему-то обыденному. Он спросил, не хотел бы Габриэль после работы выпить пива. Тот обрадовался и даже предложил позвать ещё двоих.

Вечером Адриан отменил встречу. Марианна сказала, что плохо себя чувствует и не хочет оставаться одна. В сообщении Габриэлю он написал «семейные обстоятельства». Потом долго смотрел на эту фразу. Она была правдой и одновременно скрывала почти всё.

...

Он вспомнил, как стоял у фабричной стены и слышал своё собственное дыхание. Вспомнил не страх и не приказ. Вспомнил короткое, отчётливое чувство власти над тем, что произойдёт дальше. Это было страшнее всего остального. Никто не заставлял его испытывать это чувство.

Телефон завибрировал снова.

«Ты сегодня дома к восьми? Купила ту рыбу, которую ты любишь».

Марианна.

Адриан поднёс пальцы к переносице. Он вдруг захотел сказать ей правду — всю, без аккуратных слов. Рассказать, что вина не исчезала после того, как они засыпали рядом. Что ему иногда нравилось быть человеком, которого она называла защитником. Что однажды он принял решение, от которого уже не мог отказаться, и затем почему-то стал повторять его.

Он напечатал: «Нам нужно поговорить».

Ответ пришёл почти сразу.

«Конечно, любимый. Я рядом».

Он прочёл и почувствовал облегчение. Потом — раздражение на себя за это облегчение.

Снаружи постучал Габриэль.

— Адриан, там опять лестница. Мы вскрыли настил. Можно вас?

— Сейчас.

Он положил телефон в карман, посмотрел на свои руки и пошёл к двери.

...

В реставрируемом доме священника имелось помещение, которое хозяева называли утренней гостиной. Окна выходили на север, и солнце туда никогда не заглядывало. Адриан подозревал, что название было придумано человеком, который однажды решил не замечать расположение сторон света.

В этой комнате он учил Габриэля определять возраст деревянных перекрытий. Молодой помощник приносил образцы, раскладывал их перед мастером, получал краткие объяснения. Он отличался от других работников тем, что не пытался немедленно казаться опытнее. Если чего-то не знал, просто говорил «не знаю». Адриана это раздражало и успокаивало одновременно.

— Почему мы сохраняем повреждённую панель? — спросил Габриэль, показывая на потемневшую древесину.

— Потому что повреждение не уничтожает историю вещи.

— Но заказчик хочет, чтобы было как новое.

— Заказчик хочет, чтобы его считали человеком, у которого всё как новое. Это не одно и то же.

Габриэль рассмеялся, затем посерьёзней. На подоконнике лежала ведомость расходов, и в нескольких строках рядом с фамилией хозяина стояли непонятные исправления.

— Я ничего не утверждаю, — сказал он, — но кто-то пе-

ренёс даты в старых счетах. Если это обнаружат, нам придётся объяснять.

Адриан отложил инструмент. Он знал, что Габриэль ждёт простой реакции: проверить, исправить, сообщить. Но слишком многое в мире взрослых, среди которых он прожил последние годы, начиналось с маленькой небрежности в дате и заканчивалось чужой разрушенной жизнью.

— Сфотографируй оригиналы, — сказал он.

— А хозяину?

— После сверки.

— Значит, документы важнее его репутации?

Адриан хотел ответить: «Конечно». Однако в памяти возникла Марианна, объясняющая ему, что любое разоблачение способно причинить непоправимый вред невинному. Она произносила это со спокойствием человека, который заранее знает, чья боль окажется достойной внимания.

— Документы не думают о репутации, — сказал он наконец. — Они либо подтверждают работу, либо нет.

Когда Габриэль ушёл за стремянкой, Адриан один остался перед старой деревянной панелью. На ней под слоем лака проступали царапины, оставленные неизвестным человеком много лет назад. Он провёл по ним пальцем. Ему пришло в голову, что память устроена не так, как реставрация. Если убрать тёмный слой, под ним не обязательно обнаружится прекрасный рисунок. Иногда там оказывается просто более раннее повреждение.

Телефон коротко завибрировал. Жена прислала фотографию накрытого на двоих стола и написала: «Сегодня нам нужен тихий вечер». Он посмотрел на сообщение и почти ответил «обязательно». Вместо этого спросил, будет ли она дома до девяти. Когда пришёл ответ — «Как всегда» — он почувствовал не облегчение, а тревогу. В их браке слова «как всегда» давно означали не порядок, а отсутствие права на неожиданность.

...

В юности Адриан боялся одного-единственного человека — собственного отца.

Его отец был учителем истории, эрудированным и уважаемым мужчиной, которого коллеги называли образцом терпения. Дома он не кричал. Он умел превратить любой промах сына в часовое молчание, после которого Адриан сам объяснял, почему заслуживал наказания.

Мать умерла, когда мальчику исполнилось одиннадцать. С тех пор дом стал похож на музей, в котором запрещено прикасаться к экспонатам. Адриан научился ходить тихо, закрывать двери до щелчка и предугадывать настроение по тому, как отец ставил чашку на блюдце.

В девятнадцать он поступил в колледж реставрации и впервые увидел, как выглядит семейная ссора, после которой люди не перестают любить друг друга. Это откровение оказалось для него важнее любой лекции.

Через несколько лет он встретил Сильвию Нокс. Сильвия

работала волонтером в службе поддержки женщин, потерявших жильё. Она смеялась громко, спорила с ним о музыке и никогда не угадывала, что он чувствует: просто спрашивала.

Они не были парой. Иногда Адриану казалось, что могли бы стать, но Сильвия не любила обещаний. Она говорила, что сначала хочет прожить собственную жизнь.

Марианна появилась рядом с ними позже. Взрослая, спокойная, с безупречными манерами и умением слушать так, что человек забывал, зачем пришёл.

Все трое однажды сфотографировались у старого моста.

Снимок долго стоял у Адриана на книжной полке. После исчезновения Сильвии он убрал его в коробку, а через несколько лет перестал помнить, куда положил.

Он не знал, что копия фотографии лежит у жены в ящике письменного стола.

И тем более не знал, что на обороте её копии Сильвия своей рукой написала одну фразу:

«Я сказала тебе, что не хочу участвовать».

ГЛАВА 6

Два списка

Начальник отдела, суперинтендант Роберт Харрис, терпеть не мог слова «серийный», произнесённого до второго подтверждённого преступления.

— Ты получила труп муниципального служащего и фотографию неизвестной девочки, — сказал он Элис после утреннего совещания. — Не надо превращать всё это в га-

зетную кампанию раньше экспертов.

— Девочка известна. И у нас есть письмо, доставленное в администрацию до обнаружения тела.

— Значит, ищи отправителя.

— Мы ищем. И ещё проверяем старые дела, где смерть выглядела добровольной или случайной.

Харрис поднял брови.

— На каком основании?

— На основании того, что Холлоуэй последние недели боялся человека, который, возможно, убеждал его признаться в прошлом поступке. Мне кажется важным установить, связан ли этот человек с другими смертями.

— Тебе кажется или у тебя есть факт?

— Пока направление проверки.

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Беннетт, ты хороший детектив. Но я не хочу, чтобы из-за одного громкого убийства мы вскрывали каждую трагедию в графстве за десять лет.

— Я и не предлагаю.

— Тогда принеси мне конкретную связь.

Выйдя из кабинета, Элис обнаружила Оливера за своим столом. Он держал в руках два листа.

— У меня как раз есть кое-что на тему конкретной связи.

Она взяла первый лист. Список клиентов частной клиники психотерапии не был доступен полиции без соответствующих оснований, зато в открытых источниках оказалось до-

статочно упоминаний о благотворительных лекциях Марианны Хейл, её консультациях для кризисных центров и судебных выступлениях в качестве специалиста.

...

Оливер разложил на столе две стопки документов, обозначив их не фамилиями, а цветными стикерами. Зелёный означал сообщения о насильственных смертях, жёлтый — случаи, где причину смерти установили, но обстоятельства вызвали вопросы у родственников. Он предложил не смешивать их в одну схему, пока не появится проверяемая связь.

— Если закрасить половину доски красным, у нас будет эффектная фотография для газеты, — сказал он. — Но судебная экспертиза не впечатляется фотографиями доски.

Элис взяла выписку по Холлоуэю. За месяц до смерти мужчина оплатил дорогую консультацию специалиста, имя которого в банковской строке оказалось сокращено. Адрес организации совпадал с соседним домом от кабинета Марианны. Эта близость могла ничего не значить. В офисном здании работали юристы, бухгалтеры, репетиторы и парикмахер. Элис попросила получить сведения законным путём и не строить версию на вывеске.

— Вы уже сомневаетесь, что всё связано? — спросил Оливер.

— Я сомневаюсь в том, что мы понимаем характер связи. Они позвонили сестре Джеймса Уолша. Она отказалась говорить о браке брата, но согласилась описать последние

недели. По её словам, Джеймс стал бояться телефона, хотя никогда прежде не избегал звонков. Он просил родственников не оставлять ему голосовые сообщения и выключал мобильный, как только слышал незнакомый номер.

— Его кто-то преследовал? — спросила Элис.

— Возможно. Или он боялся себя. Всё время говорил, что поступил плохо, но не говорил как.

— Он упоминал психотерапию?

Сестра помолчала.

— Нора говорила, что он лечится у человека, который помогает признавать собственную вину. Я тогда спросила: разве у вины бывают специалисты?

Элис поблагодарила её и отключилась. До вечера они проверяли документы, делали запросы и разговаривали с людьми, которые не хотели больше вспоминать. Из десятка звонков полезными оказались только два. Остальные дали противоречия, обиды и воспоминания, меняющиеся прямо во время разговора. Элис пришла к выводу, что в этом деле ей придётся защищать факты не только от подозреваемого, но и от собственного желания увидеть закономерность раньше времени.

...

Второй лист содержал имена людей, фигурировавших в нескольких расследованиях последних лет. Часть имён Элис узнала. Некоторые были связаны с городской комиссией, другие — с благотворительным фондом жилья.

— Откуда это? — спросила она.

— Не из медицинских данных. Из публичных отчётов, старых газет, протоколов слушаний и добровольных интервью родственников. У нас пока нет права знать, кто и когда был пациентом Хейл.

— И сколько совпадений?

— Три подтверждённых публичными документами, одно косвенное. А ещё я нашёл дело Джеймса Уолша. Погиб в июне. Перед смертью вёл переписку с человеком из тех же организаций, которым Холлоуэй помогал заключать сделки.

Элис снова посмотрела на фамилии.

— Это слишком мало, чтобы объявить второй ряд преступлений.

— Я и не объявляю. Просто говорю, что один и тот же клуб людей необычно часто появляется рядом с чужими несчастьями.

— Не называй его клубом, — устало сказала Элис. — Слишком красиво для полицейской версии.

Оливер усмехнулся.

— Ладно. «Совокупность проверяемых связей».

Элис нашла карточку Джеймса Уолша. Тридцать семь лет. Руководитель небольшой бухгалтерской фирмы. В июне выехал ночью на старую дорогу к карьере, где его автомобиль нашли на следующий день. На столе дома обнаружили лист с рукописной фразой: «Это случилось потому, что я промолчал». Ни адресата, ни объяснения.

Жена Джеймса после его смерти почти перестала выходить из дома.

— Поговорим с ней, — сказала Элис.

— Я уже связывался. Нора Уолш согласится встретиться завтра. Сегодня у неё назначен приём.

— У кого?

Оливер помедлил.

— У Марианны Хейл. Она сама рассказала. Вдова говорит, что доктор помогла ей в самые тяжёлые недели.

Элис поставила лист на стол и пристально посмотрела на напарника.

— Хорошо. Тогда сначала я поговорю с доктором.

...

В кабинете Марианны было слишком тихо.

...

На вечернем совещании Роберт Харрис попросил изложить версии без фамилий. Он поставил на доску три слова: месть, сокрытие, случайность. Затем велел каждому высказать основания, а не догадку, и попросил коллегу записать несогласия отдельно. Оливер позже признался Элис, что терпеть не может этот метод, потому что он заставляет признать собственную неопределённость.

— Зато мы не спрячем её под рисунком из стрелок, — сказала Элис.

К ним присоединилась аналитик отдела Джудит Кларк. Она изучала открытые сведения о фонде и отметила стран-

ность: организация несколько раз меняла юридическое название, не меняя фактический адрес. Одновременно в её реестрах исчезали фамилии отдельных сотрудников и появлялись фирмы-посредники, зарегистрированные в других графствах. Это не доказывало преступления. Но позволяло поставить вопросы о платежах и об обязанности хранить документы.

— Если мы объявим всех этих людей сообщниками, нам понадобится ещё одна камера для подозреваемых, — сказала Джудит. — Лучше начнём с трёх переводов, связанных с погибшими.

Она показала последовательность: перевод по договору фонда, личный платёж и позднее письмо с напоминанием о старом обязательстве. У Холлоуэя и Причарда обнаруживались сходные цепочки, но дата последних платежей не совпадала. Бухгалтер Уолш фигурировал в отдельных документах. Элис попросила проверить, имел ли он доступ к исходной системе, а не только к копиям.

После совещания Харрис задержал Элис.

— Ты слишком много думаешь об этой женщине-враче.

— Я думаю о связях между документами.

— И о том, какой образ она создаёт.

— Это тоже может иметь значение, но не заменяет доказательств.

Харрис устало потер переносицу.

— Я однажды расследовал дело, в котором все ненавидели

подозреваемого. Мы почти не заметили настоящего убийцу, потому что тот был первым, кто предложил помощь.

Элис посмотрела на него.

— Почему вы не рассказывали?

— Потому что не люблю собственные ошибки. Но тебе, наверное, пора услышать.

Она вышла из кабинета с новым пониманием: осторожность начальника не была только бюрократической трусостью. За ней скрывалась память о человеке, которого система почти наказала по ошибке. И чем увереннее она сама становилась в своей версии, тем нужнее ей были коллеги, готовые эту версию разрушить.

...

Элис не любила чужих кабинетов, оформленных с расчётом вызвать доверие. Ей казалось нечестным, что мебель может обещать то, на что человек ещё не согласился. Но эту мысль она оставила при себе, представилась и села в предложенное кресло.

Марианна Хейл выглядела моложе фотографий, которые Элис видела в интернете. В обычной белой блузке, с убранными назад каштановыми волосами и тонким серебряным браслетом, она могла сойти за редактора литературного журнала или преподавательницу университета. Человек, которого легко представить на публичной лекции и трудно — под подозрением.

— Детектив Беннетт. Чем могу помочь?

— Мы расследуем смерть Мартина Холлоуэя. Его телефон содержит звонки на номер вашего кабинета.

Марианна опустила взгляд на лежащую перед ней ручку.

— Мне очень жаль, что он умер.

— Вы с ним знакомы?

— Я не могу подтверждать или отрицать факт обращения человека за помощью без достаточных правовых оснований. Надеюсь, вы понимаете.

— Разумеется. Я не прошу медицинские записи. Хотела уточнить, не обращался ли он к вам лично с сообщениями об угрозах, которые вы вправе передать полиции.

— Если потребуется, я отвечу на официальный запрос через адвоката и соответствующие процедуры.

Элис кивнула. Профессиональная осторожность сама по себе не была подозрительной.

— Он погиб в заброшенном здании, — сказала она. — Кто-то подготовил место, чтобы тело нашли определённым образом.

Марианна медленно выдохнула.

— Это ужасно. Его семья уже знает?

— Да. Вчера он ушёл из дома на встречу с человеком, связанной со старой работой. Возможно, с человеком, которого он боялся.

— Чувство вины иногда заставляет людей видеть угрозу там, где её нет.

— А иногда угрозы действительно существуют.

— Конечно.

Марианна произнесла это без спора. Она даже улыbnулась едва заметно, признавая справедливость замечания.

...

На совещании Оливер разложил карточки с именами на длинном столе. Элис запретила ему соединять их красными нитками, которые младший аналитик принёс ради шутки. Вместо красивой схемы у них получилась сетка колонок: подтверждённые факты, свидетельские утверждения, временные совпадения, непроверенные версии.

— Вот письмо до смерти Холлоуэя, — сказал Оливер. — Вот его бывший подчинённый, который спорил с ним из-за муниципального контракта. Вот жалоба, где имя доктора Хейл вообще не упоминается.

— Хорошо, — сказала Элис. — А теперь убери из картины доктора Хейл и посмотри, что останется.

Оливер убрал карточку. Оставались фонд, строительные проекты и несколько людей, потерявших жильё. Цепь выглядела убедительнее, чем прежде.

— Теперь убери фонд, — предложила она.

Остались жертвы с историями семейного давления и совпадающие фразы в личных письмах. Другая цепь, менее доказательная, но возможная.

Элис откинулась на спинку стула. Опасность заключалась в желании найти одну изящную причину для всех событий. Она уже видела дела, где ради красивой версии следствие

переставало замечать две разные преступные истории.

Днём они посетили семью одной женщины, погибшей за два года до Холлоуэя. Муж умершей не разрешил им войти. Он стоял на пороге в толстом свитере и говорил спокойно: «Она заболела. Вы предлагаете превратить болезнь в преступление, потому что журналистам нравится история про врача?» Элис не стала спорить. Она попросила лишь согласия проверить обстоятельства выдачи одного документа. Мужчина ответил, что подумает.

На обратном пути Оливер сердился на собственную беспомощность. Он хотел объяснить вдовцу, что новая проверка может помочь. Элис сказала:

— Иногда единственная честная вещь, которую мы можем сделать, — уйти. Он ничего нам не должен за то, что мы подозреваем преступление.

Вечером мужчина сам позвонил. Не потому, что поверил в их версию, а потому, что обнаружил копию странного письма среди вещей жены. Он согласился передать копию и попросил не звонить больше без предварительного сообщения. Элис выполнила просьбу. В деле появилась ещё одна деталь, не дававшая ответа, но расширявшая круг вопросов.

...

— Вы давно в полиции, Элис?

— Достаточно.

— Простите. Профессиональная привычка. Мне нужно напомнить себе, что вы здесь не для консультации.

— Не нужно извиняться.

Марианна склонила голову.

— Вы кажетесь очень уставшей. Полагаю, дело не даёт вам спать.

Элис вспомнила ночную переписку с бывшим мужем и отметила про себя, что усталость видна каждому, кто умеет смотреть. В этом не было ничего необычного.

— Вы знаете что-нибудь о старом деле семьи Уокер? — спросила она.

— Кажется, читала о нём. Давняя история с увольнением рабочих?

— Да. Одна из пострадавших семей. Мы пока проверяем причины, по которым она могла быть связана с Холлоуэем.

Марианна выдержала паузу.

— Девочка на фотографии — из этой семьи?

Элис не шевельнулась.

За окном прошёл автобус. На улице кто-то засмеялся, и этот звук показался особенно чужим в тишине кабинета.

— Какой фотографии? — спросила детектив.

Марианна несколько мгновений смотрела на детектива, словно пыталась восстановить ход собственного разговора. Лицо её не изменилось.

— Простите. Я подумала, что вы говорите о газетном снимке. В статье была фотография фабрики, кажется, и люди у ограждения.

— Там не было девочки.

— Значит, я ошиблась. В последние дни я читаю слишком много сообщений о трагедиях.

Элис не возразила. Она сделала запись в блокноте, не отрывая взгляда от собеседницы.

— Миссис Хейл, я не говорила вам, что у нас есть фотография девочки. В прессе об этом не сообщалось.

Марианна медленно сложила руки.

— Тогда, боюсь, я не могу объяснить, почему так сформулировала вопрос.

Они смотрели друг на друга дольше, чем требовалось.

...

На первом общем совещании полицейские спорили не о маньяке, а о схеме автомобильных поездок. По данным камер, Мартин Холлоуэй в последний день несколько раз изменил привычный маршрут. Он заходил в аптеку, где никогда не покупал лекарства, и останавливался у закрытого кафе, хотя обычно обедал в столовой городского совета. Две остановки могли быть случайными. Третья — возле бывшей городской библиотеки — совпала с местом работы отца девочки на фотографии.

Оливер хотел считать это доказательством встречи.

— Не можем, — сказала Элис. — Машина могла просто стоять в пробке. Нужно время, изображения, свидетели.

Они разложили карту на большом столе. Разными цветами отметили достоверные наблюдения, сообщения очевидцев и предположения. К концу часа карта выглядела по-

что пустой: большую часть линий пришлось стереть. Харрис остановился возле неё и одобрительно кивнул.

— Вот теперь можно работать.

В тот же день Элис поехала на встречу с бывшей сотрудницей фонда, Сарой Доуэлл. Та вышла на пенсию, разводила розы и не хотела вспоминать годы, когда работала в жилищном отделе.

— Мы должны были переселять людей быстро, — сказала она. — После аварийных заключений оставалось мало времени. Обычные семьи не понимали, почему им дают три дня, чтобы собрать вещи.

— Вы сомневались в заключениях?

— Иногда. Но сомнение, детектив, очень легко отложить до понедельника. В понедельник появляется другое дело.

Сара достала стопку открыток, которые ей присылали бывшие жильцы. На одной была фотография полуразрушенного дома, на другой — дети возле школьного автобуса. Она берегла их не из гордости. По её словам, открытки напоминали, что за каждой строкой в отчёте существовали люди.

Элис спросила, знала ли Сара Холлоуэя.

— Он мог быть неприятным человеком. Мог подписать то, чего не прочёл. Но когда у молодой семьи пропала мебель после переезда, сам заплатил за перевозку нового стола. Я не знаю, был ли это добрый поступок или попытка унять совесть. Разве вы можете узнать за человека?

Элис не ответила. Она понимала, что впереди будет много

таких разговоров, неудобных именно потому, что они не дают чёткой картины виновных и невинных. Маньяк уже выбрал за следствие, как следует оценить прошлое его жертвы. Полицейским предстояло отказаться от этой оценки и начать с фактов.

...

Наконец психотерапевт добавила:

— Я могу предложить только одно: запишите мои слова точно. Не пытайтесь сделать их лучше или хуже, чем они были.

Элис закрыла блокнот.

— Именно этим я и занимаюсь.

На улице снова начался дождь. Когда Элис вышла, Мэйв О'Коннор проводила её до лестницы и неожиданно спросила:

— Вы будете ещё разговаривать с доктором?

— Возможно. Почему вы спрашиваете?

Мэйв облизнула пересохшие губы.

— Ничего. Просто она очень занята.

Слова прозвучали так, словно женщина хотела сказать совершенно другое. Элис дала ей визитку.

— Если вспомните что-то относящееся к моему делу, звоните. В любое время.

Мэйв взяла карточку за самый край.

Элис вышла на улицу. На другой стороне дороги мужчина в сером пальто ждал у машины, прикрыв лицо от дождя.

Она не сразу обратила на него внимание.

Если бы обратила, то узнала бы в нём человека с фотографии на сайте реставрационной мастерской: Адриана Хейла, мужа женщины, которая только что сказала ей неправду.

ГЛАВА 7

Девочка с корабликом

Лия Уокер принесла с собой пластиковую папку и старую фотографию отца. На снимке он стоял у двери мастерской с чашкой чая и шурился от солнца. За ним виднелась табличка «Уокер и сыновья», хотя сыновей у Пола Уокера не было.

— Он думал, что однажды у него появятся, — объяснила Лия, когда Элис спросила про вывеску. — Хотел оставить название на вырост.

Лии было тридцать семь. Она носила короткую стрижку и широкую зелёную кофту, на рукаве которой сохранилось тёмное пятно от краски. Работала в библиотеке университетского городка, дважды в неделю преподавала детям чтение. Когда говорила об отце, она почти не смотрела на полицейских.

— Мне сказали, вы нашли моё детское фото рядом с Холлоуэем, — произнесла она.

Элис кивнула.

— Верно. Можем показать вам изображение, но сначала хотели узнать, откуда могла взяться эта фотография.

— Её делали на ярмарке для школьной газеты. Я заняла второе место за деревянную игрушку. Отец вырезал корпус,

я приделала мачту. Вечером он сказал, что это самый красивый корабль в Англии.

Лия улыбнулась впервые за время беседы. Улыбка исчезла так быстро, что Элис стало жаль её прерывать.

— Сколько было впечатков?

— Один у нас, один в школе. Может, ещё в архиве газеты. Дом продали после смерти мамы, там многое пропало. Я даже не знаю, где тот кораблик.

— Вам приходили какие-нибудь сообщения о Мартине Холлоуэе?

— Год назад мне написала женщина. Представилась независимой исследовательницей, сказала, что собирает свидетельства о незаконных выселениях. Хотела услышать нашу историю.

— Как она выглядела?

— Мы не встречались. Разговаривали по телефону. Голос приятный, спокойный. Она знала много подробностей. Больше, чем я сама помнила.

— Имя?

— Назвала себя Энн. Фамилию я не запомнила.

Лия достала телефон и показала сохранённый электронный адрес. Отправителя уже не существовало; сообщения старше шести месяцев исчезли после удаления аккаунта. Один фрагмент переписки остался в её ответах.

...

Лия привела Элис в библиотеку, где готовила выставку

работ своего отца. В огромной комнате с тусклыми лампами стояли коробки, пахнувшие бумагой и старым клеем. Лия бережно достала небольшой кораблик из жёлтой страницы. Сложен он был неумело: борта расходились, а нос держался на прозрачной ленте.

— Папа сделал его для меня, когда мы ждали автобус, — сказала она. — Помню, что дождь промочил мои ботинки и он придумал историю о капитане, который никогда не бросает корабль, даже если тот течёт.

— И вы хранили его всё это время?

— Я думала, что да. Но он исчез, когда мне исполнилось двенадцать, а недавно снова появился среди отцовских бумаг. Возможно, я путаю два разных кораблика.

Элис очень понравилось последнее признание. Свидетель не стеснялась слова «возможно». В отличие от других людей в деле, она не пыталась сделать прошлое более гладким и понятным, чем оно было.

Лия показала ещё несколько предметов: открытку от брата Пола, справку о лечении, записную книжку с телефонными номерами. Среди них оказался конверт из государственного учреждения, внутри которого лежала копия обращения о нарушениях в программе фонда. Документ был без даты поступления. Зато на нижнем поле имелись две пометки, сделанные разными ручками: «Отказать. Нет оснований» и «Повторная проверка после письма Нокс».

— Кто такая Нокс? — спросила Лия.

— Пока устанавливаем её роль.

— Вы всегда так говорите, когда не хотите отвечать?

— Иногда я говорю так, когда действительно не знаю.

Лия внимательно посмотрела на неё, затем неожиданно улыбнулась.

— Это хотя бы не похоже на папу. Он никогда не признавал, что чего-то не знает.

Элис попросила разрешения получить копию обращения и установить, куда ушёл оригинал. Лия согласилась при условии, что ей расскажут, когда документ станет публичным. Было видно, что девушка устала жить среди намёков. Но ещё больше она устала от людей, уверенно объясняющих ей судьбу отца.

...

«Я не хочу, чтобы кто-то пострадал. Если Мартин признает ошибку, это будет его выбор, но мне не нужен суд. Я давно живу другой жизнью».

...

На стенде библиотеки Лия повесила детские фотографии жителей Рейвенсвика. Идея выставки была простая: люди должны были написать под снимком не год и место, а историю о том, чему тогда научились. Отец Лии обещал прийти на открытие. Теперь она не знала, стоит ли вообще оставлять его фотографию рядом с остальными.

Когда библиотека закрылась, Лия разложила на полу карточки с историями. Некоторые были весёлыми, другие пе-

чальными, но почти все говорили о маленькой победе: научился плавать, перестала бояться темноты, впервые сам купил хлеб. Лия остановилась на снимке с корабликом и поняла, что сама выбрала бы другое воспоминание. Ей было двенадцать, когда отец однажды приехал за ней в школу и отвёз домой без объяснений. Он сказал, что некоторое время ей лучше не появляться на людях одной. Потом на пороге возник незнакомец с двумя женщинами, и родители долго спорили в коридоре.

Она позвонила матери. Та долго молчала, затем сказала, что тогда кто-то угрожал отцу раскрыть служебные нарушения, если он продолжит жаловаться на фонд. Лия никогда не знала, что угрозы касались и её безопасности.

— Почему вы мне не рассказали?

— Мы считали, что защищаем тебя.

Лия оглядела фотографии на полу.

— Я всю жизнь думала, что папа перестал со мной разговаривать, потому что я сделала что-то не так.

Мать заплакала. Лия не стала сразу прощать её за молчание. Но теперь у неё появились вопросы, которые можно было задать, и это отличалось от привычного ощущения, будто во всех семейных тайнах виновата она.

На следующий день Лия рассказала Элис лишь то, что мать могла подтвердить. Образ незнакомца остался расплывчатым; женщин Лия не запомнила. Зато дома сохранился школьный журнал отсутствий. Элис попросила разрешения

получить копию, и Лия согласилась. Выставку она всё-таки открыла. Под собственной детской фотографией написала: «В тот год я научилась задавать вопросы, хотя ответов иногда приходилось ждать слишком долго».

...

Элис прочитала дважды.

— Вы действительно так считаете?

— Что я его простила? — Лия подумала. — Я не знаю, что это значит. Иногда вспоминаю, как после выселения мы ездили с вещами по чужим квартирам, и меня трясёт от злости. Но если бы Холлоуэй постучал в дверь, я не хотела бы его смерти. Я хотела бы, чтобы он рассказал, что сделал.

— Вы знали, что он собирался с кем-то встретиться?

— Нет.

— А письма? Вы сказали нашим коллегам, что получали странные конверты.

Лия напряглась.

— Они были пустыми. Кроме одного. Там лежала фотография папы. Не эта, другая. Ему на ней лет пятьдесят, он уже болел. Я не знала, кто её отправил.

— Можете передать конверт?

— Конечно. Он дома. Я привезу.

Она пододвинула фотографию отца к себе.

— Детектив, вы считаете, что Мартин умер из-за нас?

— Я считаю, что кто-то использовал вашу историю, — ответила Элис. — Мы пытаемся выяснить, кто и зачем.

Лия долго молчала. Потом спросила:

— А если выяснится, что мой отец действительно умер не только из-за увольнения? Если кто-то решит, что теперь справедливость восстановлена, и будет ждать от меня благодарности? Что мне делать?

Элис не придумала ответа, который не прозвучал бы фальшиво.

— Сказать правду, — наконец произнесла она. — Что вы не просили никого умирать.

После беседы Лия оставила номер телефона и вышла. Элис смотрела ей вслед через окно. Женщина остановилась под деревом, подняла воротник и кому-то позвонила. Она говорила недолго. Когда закончила, медленно прижала телефон к груди.

...

Лия вспоминала отца не только возле больничной кровати и в последние месяцы его жизни. Лучше всего ей помнились субботние утра, когда он открывал мастерскую до восьми и разрешал дочери выбирать музыку. Тогда ей казалось, что металл всегда пахнет одинаково, хотя отец различал десятки запахов: масло от станка, краску на новом ограждении, горячую сталь, мокрую резину.

Он никогда не говорил о споре с фондом полностью. Иногда за ужином вспоминал, как одни люди получают разрешение на перестройку за две недели, а другие ждут годами. Лия принимала это за привычное ворчание мастера. Теперь

обнаружилось, что за несколькими его фразами стояло судебное дело, которое после смерти Пола никто не довёл до конца.

В тот день Элис привезла ей список архивных номеров, а не обвинения. Они сидели в комнате над мастерской, где стояли коробки с детскими рисунками и неработающий телевизор. Лия доставала бумаги и называла даты по надписям отца.

— Могу я сфотографировать это письмо? — спросила Элис.

— Заберите оригинал, если он нужен.

— Нет. Сначала оформим передачу, потом решим, требуется ли оригинал.

Лия удивилась заботе о формальности. Ей казалось, что в настоящем расследовании детективы хватают важные бумаги и бегут. Элис улыбнулась:

— Если дело дойдёт до суда, защита тоже будет иметь право спросить, где этот лист находился и кто держал его в руках.

Под крышкой жестяной коробки Лия нашла дешёвый пластиковый кораблик. Такой же был на детской фотографии, которую изъяли возле тела Холлоуэя. Пальцы у неё задрожали. Она вспомнила, как отец приносил маленькие игрушки из порта, хотя сам не любил море. Она хотела тут же позвонить матери, но та давно жила отдельно и почти не говорила о семейных делах.

— Может быть, он просто купил их случайно, — сказала Лия.

— Может быть, — согласилась Элис.

Они обе смотрели на кораблик. В нём не было угрозы, если не знать обстоятельств. Пластмассовая вещь ничего не объясняла сама по себе. И именно поэтому Элис аккуратно занесла в блокнот цвет, размеры, надломленный край паруса. Позже, когда эксперт сравнил игрушку с изображением на снимке, выяснилось, что они относились к одной старой серии сувениров, продававшейся в приморском павильоне при фонде. След не указывал на убийцу, но переносил расследование на несколько лет назад.

...

Оливер заглянул в комнату.

— Ну что?

— Нашёлся человек, который мог бы желать Холлоуэю смерти, — сказала Элис. — Но, кажется, она меньше всех хотела, чтобы это произошло.

— Есть ведь разница между желанием и поступком.

— В этом деле, Оливер, я боюсь, что кто-то специально хочет её уничтожить.

...

В тот же день Марианна получила по почте конверт без обратного адреса.

Мэйв положила его рядом с расписанием. Бумага была плотная, цвета старого слоновьего бивня. По краям просту-

пили пятна сырости, словно отправление долго лежало под дождём.

Внутри оказался узкий листок.

«Я не умела быть мёртвой так долго, как ты хотела».

...

Лия Уокер помнила отца не по той фотографии, которую полицейские нашли на месте убийства, а по звуку ключей. У него была тяжёлая связка, на которой висела маленькая медная рыбка. Когда он возвращался с работы, рыбка звенела о дверную ручку раньше, чем он успевал поздороваться. После его смерти Лия спрятала связку в коробку под кроватью. Три года она не доставала её, пока Элис Беннетт не спросила, кто ещё мог входить в старую мастерскую.

— Никто не помнил пароль от сигнализации, — сказала Лия. — Отец всем раздал ключи, а коды менял дважды в месяц. Говорил, что бумаге доверяет больше, чем электронике.

Она перечислила знакомых, которые помогали ему с ремонтом, не пропустив даже человека, однажды принёсшего чай. Элис дала ей время. Такие списки редко содержали готовый ответ, но часто помогали восстановить мир, в котором жертва жила до того, как стала именем в деле.

Среди старых счетов Лия нашла квитанцию на реставрацию деревянных рам в кабинете благотворительного фонда. Работу выполнила мастерская Адриана Хейла. Дата была слишком ранней, чтобы прямо связывать её с нынешними убийствами. И всё же Лия не могла избавиться от ощущения,

что взрослые вокруг неё годами разговаривали об одном и том же, пряча от неё смысл.

— Мне кажется, все знали что-то, кроме меня, — призналась она Элис.

— Такое чувство бывает у человека, когда выясняется, что его прошлое хранилось в чужих папках. Но пока у нас нет оснований считать, что окружающие всё знали.

— Тогда почему никто не спросил отца, как он жил с этой историей?

Элис ответила не сразу. Иногда хороший вопрос существовал слишком поздно.

Позднее Лия отправилась в библиотеку, где преподавала по субботам. Девочка в красной шапке никак не могла прочесть слово «пристань». Она упрямо повторяла неверный вариант, злилась, прятала лицо в ладонях. Лия села рядом и попросила начать сначала, не торопясь. Ребёнок вздохнул и прочёл правильно. В ту минуту Лия почувствовала внезапную обиду на отца. Он всю жизнь учил её, что ошибка не делает человека плохим, но сам, столкнувшись с собственной возможной ошибкой, предпочёл молчать. Как будто его правила действовали для всех, кроме него.

Вернувшись домой, Лия достала связку с медной рыбкой. Она не услышала знакомого звона: металл лежал холодный и неподвижный. Она открыла коробку для документов и положила ключи рядом с квитанцией. Теперь это были не только вещи умершего отца, но и свидетельства, которые ещё могли

рассказать о нём нечто новое.

...

Марианна прочла строчку и положила письмо обратно. Потом достала его снова.

Снаружи Мэйв говорила с клиентом, обещала найти свободное время, просила подождать на линии. Всё было на месте: орхидеи, часы, знакомый запах бумаги и кофе. Но Марианна впервые за много лет заметила, что дверь кабинета плохо закрывается: между косяком и деревом оставалась тонкая светлая щель.

Она вышла к администратору.

— Мэйв, кто принёс это письмо?

— Курьер. Оставил утром. Что-нибудь не так?

— Нет, — сказала Марианна. — Просто оно без подписи.

Мэйв посмотрела на конверт.

— Вы побледнели.

— Наверное, устала.

Марианна вернулась за стол и открыла календарь. Вечером они с Адрианом собирались ужинать дома.

За восемнадцать лет брака он перестал спрашивать, почему ей иногда нужно оставаться одной. Теперь же она вдруг захотела, чтобы сегодня вечером он не отходил от неё ни на шаг.

ГЛАВА 8

Два вечера одной ночи

Адриан вернулся в половине девятого.

Рыба давно остыла. Марианна накрыла стол для двоих, но не стала зажигать свечи. Он заметил это ещё в дверях: свечи стояли рядом с тарелками, белые, почти новые. Обычно она любила их пламя, особенно в дождливые вечера.

— Прости, — сказал он. — На объекте затянулись работы.

— Знаю.

Адриан насторожился.

— Откуда?

— Ты написал в шесть.

Он забыл. Последние два дня проваливались в памяти не как отдельные события, а как длинный вечер без конца.

...

После ужина Марианна вынесла из кладовой коробку с новогодними украшениями, хотя до праздников оставалось больше двух месяцев. Адриан смотрел, как она раскладывает стеклянные шары по оттенкам. Некогда этот порядок доставлял ему удовольствие. Сейчас он замечал другое: каждый год они начинали украшать дом тогда, когда Марианна особенно тревожилась, и прекращали, когда она вновь становилась спокойной. Будто красивое дерево могло убедить обоих, что ничего плохого не происходит.

— Помнишь наш первый Новый год? — спросила она.

— Помню, как ты разбила бокал и плакала.

— Я плакала не из-за бокала.

— Из-за чего же?

Марианна подержала в руке серебряный шар.

— Я боялась, что ты однажды узнаешь обо мне что-нибудь и разлюбишь.

Он сказал бы раньше, что такое невозможно. Теперь промолчал. Жена положила игрушку и посмотрела на него с выражением, которое нельзя было назвать ни гневом, ни печалью.

— Мы все чего-то боимся, Адриан.

— Я хочу поговорить о мосте.

— Мы уже говорили.

— Мы говорили о том, как я себя чувствую. Но не о том, что случилось.

Марианна села. Некоторое время она выглядела действительно растерянной.

— Ты помнишь кровь на рубашке?

— Да.

— И как ты потом дрожал?

— Помню.

— А что было между этим?

Он покачал головой.

— Вот видишь.

— Нет, — ответил Адриан. — Это ничего не объясняет.

Её лицо изменилось едва заметно. Пожалуй, именно это и испугало его: он привык к её терпеливым вопросам, но никогда не видел, чтобы сам вопрос мог вызвать у неё такую холодную настороженность.

— Ты не доверяешь мне?

— Я хочу знать правду. Это не одно и то же.

Она отвернулась к коробке с игрушками. Разговор закончился не ссорой, а тишиной. Адриан вышел из комнаты и впервые задумался о том, что поиск правды может стоить ему брака. Он всё ещё хотел сохранить его. В этом была самая тяжёлая часть: преступления он боялся больше, чем собственной смерти, но потери любви боялся больше, чем преступления.

...

Марианна налила ему воды. Он попробовал улыбнуться.

— У тебя тяжёлый день?

— Была встреча с полицией.

Он не сумел сразу удержать стакан ровно. Несколько капель упали на скатерть.

— Что им нужно?

— Разговаривали о человеке, которого нашли на фабрике. Адриан поставил воду.

— Почему с тобой?

— Он звонил в кабинет. Я не стала обсуждать подробности.

Марианна взяла салфетку, промокнула скатерть и посмотрела мужу прямо в лицо.

— Ты знаешь, кем был этот человек?

— Понятия не имею.

Он ненавидел, как легко ему далась ложь. А ещё больше — что после неё жена не изменилась в лице.

— Снова эти письма, — тихо сказал Адриан.

— Какие?

— Которые приходили в последнее время. Я думал, мы договорились, что ты расскажешь, если кто-то пишет о прошлом.

Марианна замерла лишь на мгновение.

— Ты ведь тоже не всё мне рассказываешь.

Они сидели друг напротив друга, в комнате, где каждый предмет был куплен вместе. Занавески выбирали после долгого спора. Стол достался им от тёти Адриана. На стене висели часы, которые он отреставрировал, когда они ещё не были женаты. Всё в этом доме выглядело как доказательство их общей жизни.

— Я не хочу снова возвращаться к Сильвии, — сказал Адриан.

Имя прозвучало громче, чем он рассчитывал.

...

После ужина Адриан заглянул в столовую, где жена оставила открытой старую книгу по семейной психологии. Она была испещрена карандашными пометками. На полях возле главы о зависимости стоял маленький знак, которым Марианна отмечала особенно полезные цитаты. Он попытался прочесть абзац, но почувствовал себя человеком, который подглядывает в чужой дневник. Закрыв книгу и направился вверх.

По пути его остановило письмо, подсунутое под дверь ка-

бинета. На конверте было написано только «А. Х.» Почерк казался незнакомым. Внутри лежала квитанция из старого благотворительного фонда и копия фотографии моста. Адриан повернул снимок и увидел на обороте дату 2008 года.

Он помнил тот мост иначе: тёмную воду, резкую боль в голове, мокрую землю на ладонях, голос жены, убеждавшей его сесть в машину. Марианна говорила, что он был в беспмятстве от ярости. Он принимал её описание так долго, что мог в точности повторить каждое слово. Но фотография была дневной. На ней Сильвия улыбалась, опираясь на перила, а Адриан стоял рядом с пакетом из продуктового магазина.

Жена появилась на пороге раньше, чем он успел убрать конверт.

— Откуда это?

— Было под дверью.

— Ты открыл письмо без меня?

Он поднял голову. Вопрос прозвучал так неожиданно, что на мгновение он забыл о снимке.

— Оно мне адресовано.

— Ты же знаешь, как опасны сейчас незнакомые конверты.

— Откуда знаешь, что оно от незнакомого человека?

Марианна посмотрела на него спокойно. Затем сказала, что волнуется за него из-за убийства на фабрике и газетной шумихи. Адриан не спорил. Он сложил бумаги в карман и попросил её не спрашивать, куда положит их.

После этого они почти час сидели в разных комнатах. Марианна несколько раз проходила мимо кабинета, но не входила. Адриан слышал её шаги и вспоминал собственную первую встречу с Сильвией: та спросила у него, умеет ли он чинить лестницы. Он ответил, что умеет чинить деревянные детали, а людям лучше не обещать лишнего. Когда-то он был человеком, который понимал разницу между предметом и человеком. Он не знал, в какой день перестал её замечать.

...

Когда Адриан женился, он представлял совместную жизнь как строительство дома. В нём будут прочные стены, окна с видом на море, вещи, которые они выберут вместе. Марианна говорила, что ей не нужны роскошные комнаты — лишь место, где они могут быть собой. Первые годы Адриан верил, что такое место нашёл.

Теперь, после ночного разговора, он стоял в кабинете и разглядывал план дома, нарисованный ещё до ремонта. Он сам передвигал перегородки, расширял кухню, выбирал лестницу и делал деревянные поручни. С годами в этих комнатах поселились их ритуалы: в определённый час пили чай, по пятницам ужинали без телефонов, по воскресеньям посещали мать Марианны, пока та была жива. Ритуалы казались знаком близости. Но некоторые превратились в проверку послушания. Если Адриан опаздывал к ужину, он считал себя виновным не потому, что нарушил договорённость, а потому, что огорчил жену, которая так много для него сделала.

Он нашёл коробку со свадебными открытками. В одном конверте лежало письмо Сильвии: «Счастья вам обоим. И никогда не путайте заботу с правом решать друг за друга». Тогда Адриан воспринял фразу как шутку. Сейчас она казалась просьбой о помощи, отправленной слишком рано, чтобы её поняли.

В комнату вошла Марианна.

— Ты что-то ищешь?

— Старые бумаги.

— Почему среди свадебных поздравлений?

— Потому что Сильвия тоже там есть.

Марианна остановилась. Адриан ждал привычного вопроса о том, почему его тревожит прошлое. Но жена неожиданно сказала:

— Мы могли бы продать этот дом.

— Зачем?

— Начать сначала. В другом городе. Где нас никто не знает.

— Ты ведь говорила, что не умеешь жить без Рейвенсвика.

Она опустила на край стола.

— Люди меняются.

— А случившееся остаётся.

Адриан не произнёс, о чём именно говорит. Но впервые за годы брака она выглядела так, будто поняла его без желания тут же объяснить. Утром он решил проверить старые письма

и даты, даже если это разрушит всё, чем они называли счастье. Он не предполагал, насколько поздно начал этот путь.

...

Марианна медленно положила вилку на тарелку.

— Тогда не возвращайся.

— Я пытаюсь. Но иногда мне кажется, что я помню ту ночь неправильно.

— Воспоминания меняются.

— Я знаю. Ты говорила.

— Это правда, Адриан, а не мнение, которое я придумала, чтобы тебя успокоить.

— Иногда я думаю, что перед мостом она была не со мной.

Марианна впервые за ужином отвела взгляд.

— Почему тебе так кажется?

— Не знаю. Вдруг вспомнил голос. Мы были втроём? Или это позже кто-то рассказывал? Я совсем запутался.

В саду стукнула о стекло ветка. Ветер раскачивал жасмин, которому давно пора было обрезать засохшие побеги.

— Мне нужно кое-что сказать, — произнёс Адриан.

— Я слушаю.

Он хотел рассказать о Холлоуэе. О фабрике, о фотографии, о том, что в какой-то момент оказался перед человеком, которого осуждал, и понял, что больше не контролирует собственную ненависть. Он хотел объяснить, что в этой ненависти была не только чужая боль, но и его собственное удовольствие. Сказать это вслух означало бы впервые отка-

заться от слов «мне пришлось».

— Я устал быть тем, кем стал, — произнёс он.

Марианна смотрела на него с выражением такой нежности, что он едва не заплакал.

— Ты не обязан говорить сейчас.

— Но, может быть, именно сейчас и надо.

— Я никуда не уйду.

Он поднял глаза.

— Ты обещаешь?

Марианна посмотрела на дверь, потом на серебряный браслет у себя на запястье. На столе между ними лежали две нераспечатанные салфетки.

— Да, — сказала она. — Обещаю.

После ужина Адриан сам вымыл посуду. Марианна ушла наверх. Он слышал, как скрипнула половица перед спальней, затем что-то тихо упало.

...

После позднего ужина Марианна обычно читала. Адриан знал, что прерывать её в эти минуты не следует: она могла ответить, но разговор навсегда останется неоконченным. Поэтому он сел в кабинете, открыл ящик письменного стола и достал старую открытку из Брайтона. На лицевой стороне был пирс, похожий на детскую игрушку, пережившую пожар. На обратной — почерк Сильвии. Её письмо было написано ещё до моста, за несколько месяцев до исчезновения.

«Ты принимаешь чужую тревогу за доказательство своей

вины, — говорилось там. — Иногда люди тревожатся просто потому, что не умеют иначе. Это не значит, что ты обязан спасти их ценой собственной жизни».

Он перечитал строку. Когда-то Сильвия пыталась убедить его покинуть Марианну, хотя тогда они ещё не были женаты. Адриан считал такое вмешательство предательством. Теперь он впервые попытался представить, как звучало бы письмо, если бы его написал друг, не желавший ничего получить взамен.

Марианна появилась в дверях без стука.

— Не спишь?

Он не повернул открытку лицом вниз. Заставил себя оставить её на столе.

— Нашёл старые письма.

— От кого?

— От Сильвии.

Жена вошла, медленно оглядела стол. Они много раз говорили об этой женщине, но никогда не произносили её имя так свободно, как будто она могла однажды постучать в дверь.

— Зачем ты себя мучаешь?

— Я пытаюсь вспомнить.

— Ты же знаешь, что воспоминания бывают ненадёжны.

— Тогда почему мы столько лет доверяли одному из них?

Марианна села напротив. Она не ответила немедленно, и Адриан почувствовал почти детскую радость: вопрос оказал-

ся не настолько бессмысленным, чтобы его можно было отвести одной фразой.

— Потому что ты сам много раз подтверждал, что произошло, — сказала она.

— Подтверждал, что мы поссорились. Что я схватил её. Что она убежала.

— И что ты потерял контроль.

— Это не то же самое, что убийство.

Марианна посмотрела на открытку. На мгновение её лицо стало незнакомым, будто изображение на фотографии сдвинулось и обнаружило под собой другое.

— Адриан, — произнесла она тихо, — если ты сейчас начнёшь переписывать прошлое, оно не станет лучше.

Он хотел возразить. Вместо этого произнёс то, чего сам от себя не ожидал:

— А если прошлое переписали без меня?

Она медленно поднялась и подошла к окну. Во дворе мокли кусты жасмина, оставшиеся после предыдущих хозяев. Адриан вспомнил, как они вместе сажали их в первый год брака: Марианна держала лейку, он рыл землю, оба смеялись над нелепым количеством камней.

— Я думала, мы уже пережили это, — сказала она, не оборачиваясь.

Он не ответил. Впервые ему показалось, что между «пережили» и «перестали говорить» существует громадная разница.

...

Через минуту жена окликнула его:

— Адриан, поднимись, пожалуйста.

Он вытер руки и вышел в коридор. Свет на лестнице не горел.

На четвёртой ступени ему вспомнилось, как восемнадцать лет назад он стоял в этом доме, весь мокрый от дождя, и пытался рассказать жене, что случилось у моста.

Тогда он не мог восстановить несколько минут собственной жизни.

Теперь он помнил каждую секунду последнего вечера на фабрике — и отдал бы что угодно, чтобы забыть.

ГЛАВА 9

Вещи, которые возвращаются

Когда Адриан поднялся на второй этаж, Марианна стояла возле раскрытого шкафа. Вещи, которые обычно висели по цветам, лежали на полу неровной грудой. На ковре блестяло стекло: разбилась тяжёлая рамка, которую они купили во время путешествия в Йорк.

— Что произошло?

— Я услышала звук в гардеробной. — Она показала на окно, запотевшее от дождя. — Кажется, здесь кто-то был.

Адриан подошёл к подоконнику. За окном, в темноте сада, качались ветви жасмина. Деревянная рама была закрыта изнутри, краска вокруг шпингалета не повреждена. Он провёл пальцем по нижнему краю, чувствуя старую трещину, ко-

тору всю соби́рался заде́лать.

— Ты кого-то ви́дела?

— Не́т. То́лько услы́шала.

— Тогда ото́йди, пожа́луйста, от сте́кла.

Он провери́л коридо́р, ко́мнату для го́стей, не́большую ванну́ю. За де́рвью че́рдака ти́хо посви́стывал ве́тер. До́м ве́л себя́ как ста́рый до́м: скри́пел, отзы́вался на пере́мену по́годы, напо́минал, что за сте́нами е́щё е́сть пу́стоты. А́дриан зна́л его́ до́статочно хо́рошо, что́бы не́ боя́ться э́тих зву́ков. Но же́на сто́яла у ша́фа с та́кой не́подви́жной спи́ной, что́ ему́ ста́ло хо́лодно.

— По́звоним в по́лицию, — предло́жил он.

Ма́рианна по́вернула́сь.

— И что́ ты им ска́жешь?

— Что́ кто-то про́ник в до́м.

...

Вхо́дную де́рвь они́ провери́ли вме́сте. За́мок бы́л це́л, на ко́врике ле́жала су́хая ли́ства, ко́торую А́дриан са́м за́нёс у́тром. О́кно га́рдеро́бной отќрыва́лось на́ружу, но мо́крые сле́ды на по́доконни́ке не у́казыва́ли ни на что́ о́преде́лённое. Ма́рианна сто́яла по́зади не́го, обни́мая се́бя за плечи́, хо́тя в до́ме бы́ло те́пло.

— Ты ду́маешь, я э́то при́думала́?

— Я ду́маю, что́ по́ка мы́ ни́чего не́ зна́ем.

— Ты ста́л го́ворить ка́к по́лицейски́й.

— Что́ пло́хого́ в то́м, что́бы сна́чала у́знать?

Марианна не ответила. Через полчаса она предложила выбросить разбитую рамку, и он заметил, что фотография внутри исчезла. На снимке они стояли втроём у моста: он, жена и Сильвия. Когда Адриан спросил о нём, Марианна сказала, что спрятала стеклянные осколки, чтобы он не поранился.

— Мне нужна фотография, не стекло.

Она открыла кухонный шкаф, выдвинула ящик для полотенец, осмотрела полку с кулинарными книгами. Всё это время Адриан чувствовал себя человеком, который наблюдает за бессмысленным спектаклем, но не смеет попросить актрису прекратить играть. Наконец она вынула фотографию из кармана халата.

— Пожалуйста. Я испугалась, вот и всё.

Он взял снимок. На обороте была дата, но часть цифр исчезла вместе с куском бумаги. Адриан вспомнил, что раньше там имелась ещё какая-то надпись. Он не спросил. Они уже однажды так поссорились, что неделю говорили друг с другом только о счетах и погоде.

Поздней ночью Адриан услышал, как жена разговаривает по телефону в саду. Слов он не различил; лишь в конце раздалось её отчётливое: «Не приезжай сюда». Он выглянул из окна. Марианна стояла под дождём без зонта, словно не чувствовала холода. Вернувшись в дом, она сказала, что звонила сестре. У Марианны не было сестры. Не было уже восемнадцать лет человека, которому можно было задать простой

вопрос о том, с кем она говорила.

...

— Мы даже не знаем, был ли здесь человек.

— Лучше ошибиться.

— Сегодня ко мне приходила детектив. Завтра я позвоню ей и всё объясню. Но если ты начнёшь рассказывать о преследовании после того, что произошло на фабрике... — Она осеклась, будто поняла, что проговорилась.

Адриан медленно разжал пальцы.

— Что именно произошло на фабрике, Марианна?

Она взглянула на разбитую рамку.

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Я знаю, что ты думаешь о Холлоуэе больше, чем говоришь. Мне не хотелось ставить тебя в неловкое положение.

Он вспомнил Мартина. Тот сидел у колонны, держал перед собой фотографию и, когда поднял глаза, произнёс не «пожалуйста», а «я объясню». В памяти Адриана эта фраза всё ещё была живой. Никакое чужое внушение не заставило его сделать следующий шаг. Иногда он признавал это с пугающей ясностью, иногда отталкивал мысль до утра.

— Не надо меня защищать, — сказал он.

— Я и не защищаю тебя от правды. Я пытаюсь не дать тебе потерять всё из-за паники.

— Ты считаешь, я опасен?

Марианна подошла ближе.

— Я считаю, что человек, который боится себя, нуждается

не в обвинителе, а в ком-то, кто останется рядом.

Эту формулировку Адриан слышал от неё много лет. Раньше она успокаивала. Теперь в ней вдруг появилось что-то вроде замка: чтобы остаться рядом, Марианна должна была знать, чего он боится; чтобы узнать, он должен был продолжать признаваться ей.

— Я могу побыть один? — попросил он.

Она удивилась. Едва заметно, но он увидел.

— Конечно.

Он присел перед шкафом, начал собирать одежду. Марианна вышла, мягко притворив дверь. Под тяжёлым шерстяным пальто обнаружилась знакомая серебряная застёжка — маленькая овальная пластина, у которой отломился крючок. Он когда-то видел такую вещь, но не мог вспомнить где.

...

Утром Марианна вызвала слесаря, хотя Адриан уверял, что в доме нет следов взлома. Слесарь осмотрел все замки и сказал, что ни один не повреждён. На задней двери он заметил свежую царапину, но объяснил, что она могла появиться от собственного ключа хозяев.

— Тогда кто входил? — спросила Марианна.

— Я не могу ответить на вопрос о том, кто входил, — сказал он. — Я могу ответить, как работает дверь.

Адриан неожиданно испытал благодарность к незнакомцу. Тот не торопился давать большое объяснение маленькой детали.

Когда мастер ушёл, супруги проверили шкафы. Несколько папок лежали не так, как обычно. Установить, кто их трогал, было невозможно: Марианна сама часто переносила документы домой, Адриан иногда искал квитанции для налогов, Мэйв приносила запечатанные конверты в конце дня. Но одна вещь исчезла действительно — маленькая кассета с записью семейного семинара, которую Марианна хранила в коробке из-под карандашей.

Адриан помнил эту кассету. На записи выступала Марианна, а после лекции участники задавали вопросы. Он однажды слышал её и удивился: жена отвечала незнакомым людям гораздо мягче, чем ему дома, когда он пытался говорить о своём беспокойстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.